

РѢЧЬ

О судьбахъ богословской науки въ нашемъ отечествѣ ¹⁾.

Нынѣ у насъ день воспоминаній.

Ближайшій предметъ этихъ воспоминаній прошедшая пятидесятилѣтняя жизнь нашей академіи. Мы подѣлились уже съ вами тѣми преданіями, какія хранитъ память нашей школы о жизни и дѣятеляхъ ея въ послѣдній ея періодъ.

Позвольте намъ теперь выдти своими воспоминаніями изъ предѣловъ нынѣ заканчивающагося періода нашей академіи. Какъ ни важенъ для насъ и для богословской науки этотъ періодъ, самъ въ себѣ онъ только частная отрывочная стадія въ общей исторіи богословскаго образованія въ нашемъ отечествѣ, и значеніе его объясняется вполне только при соображеніи цѣлаго хода русской богословской науки. Среди торжества духовной школы, подобнаго настоящему, частныя и личныя воспоминанія невольно пробуждаютъ въ умѣ общія представленія, и мы думаемъ, что пойдемъ на встрѣчу вашимъ ожиданіямъ, когда воспоминаніе о пятидесятилѣтнемъ періодѣ нашей академіи дополнимъ обзорѣмъ общихъ судебъ богословской науки въ нашемъ отечествѣ.

¹⁾ Профессора академіи Василія Пѣвницкаго. За недостаткомъ времени рѣчь эта не была читана на Актѣ.

спасаемаго города. Два съ лишнимъ вѣка оно было роднымъ для кievлянъ братскимъ училищемъ ихъ. Отъ войта до простаго гражданина всѣ тогда видѣли въ немъ мѣсто воспитанiя своего или своихъ дѣтей. Кто не учился въ самомъ этомъ училищѣ, тотъ учился въ зависѣвшихъ отъ него и питавшихся имъ приходскихъ при церквяхъ школахъ, упоминаемыхъ въ актахъ кievской городской думы еще во 2-мъ десятилѣтiи XIX в. Надѣмся, что неневидною и небезслѣдною оставалась для кievскаго общества и 50-лѣтняя жизнь новой академiи. Довольно сказать, что здѣсь въ братскомъ монастырѣ кievляне слышали Иннокентiя и др. проповѣдниковъ академiи, что съ академiею, какъ мѣстомъ воспитанiя, связано образованное и учащее священство кievское, въ которомъ есть столько личностей, такъ извѣстныхъ и уважаемыхъ въ обществѣ. Не безъизвѣстны ему были и наши студенты. Правда, собираясь съ разныхъ концовъ Россiи, они не чувствовали связей съ новою мѣстною средою. За то важною была въ нравственномъ смыслѣ возникавшая среди ихъ внутренняя товарищеская связь. «Мы теперь не съ своими братьями, писалъ въ самомъ началѣ 1-го курса одинъ студентъ изъ кievскихъ, а съ новыми, не знакомыми товарищами съ сѣвера, востока, юга и запада». Тоже болѣе или менѣе чувствуе́тъ и каждый студентъ въ началѣ курса. Но пройдутъ дни и недѣли,—и въ братской семьѣ студентовъ, при личныхъ особенностяхъ каждаго, при своеобразностяхъ, условленныхъ родиною, вырабатывается общiй нравственный обликъ академическаго студента, имѣющiй свою симпатичность, свои несомнѣнныя достоинства нравственныя. Въ подкрѣпленiе этого мы могли бы призвать во свидѣтели особенно тѣхъ почтенныхъ отцовъ семействъ, которые довѣряли студентамъ нашимъ воспитанiе своихъ дѣтей. Мы призвали бы во свидѣтели людей, довѣрившихъ особенно воспитанникамъ нашей академiи насажденiе новой русской науки на невоздѣ-

лапной почвѣ привислянскаго края. Мы призвали бы во свѣдѣтели людей, внимательныхъ къ направленію идей въ молодомъ поколѣніи, надѣясь, что они не имѣли поводовъ усумниться въ здравости направленія нашихъ студентовъ, въ отсутствіи у нихъ какихъ либо крайностей или опасныхъ, исключительныхъ и безцѣльныхъ стремленій, постороннихъ для науки, въ которой одной они пока и видятъ свое главное призваніе ¹⁾. Доселѣ мѣстное общество еще не довольно проникло во внутреннія сферы нашей науки. Но мы надѣемся, что со временемъ оно станетъ проникать больше,—по крайней мѣрѣ настолько, насколько старинные кіевляне—въ науку старой академіи. Въ жизни ея есть много примѣровъ живѣйшаго участія къ ней и сановитыхъ представителей воли всемирности. Государя въ Кіевѣ и вообще знаменитыхъ для всей Россіи мужей государственныхъ, проживавшихъ въ Кіевѣ. Продол-

¹⁾ Едвали не единственный случай нѣкотораго безпокойства между студентами былъ въ 1858 г. Оно объясняется отчасти тревожнымъ настроеніемъ общества въ то время броженія разныхъ незрѣлыхъ идей, а еще болѣе—неудачною постановкою въ академіи нѣкоторыхъ элементовъ администраціи. Стараніемъ, обходительностію, вообще нравственнымъ вліяніемъ послѣдующихъ дѣятелей академіи слѣды вкрадшагося безпокойства довольно скоро исчезли. Благодѣтельно было тогда участіе въ этомъ дѣлѣ и бывшаго ректора академіи, а съ 1858 г. викарія кіевской митрополіи, преосвящ. Антонія, успокоивающаго студентовъ своими пастырскими объясненіями съ ними. Но и въ чести г. г. студентовъ того тревожнаго времени должно признать, что нѣкоторые изъ нихъ, выбывъ изъ академіи, оказались людьми дѣльными въ другихъ мѣстахъ, гдѣ доканчивали свое образованіе, или куда поступили на службу. Ходилъ иногда слухъ о существованіи въ академической корпораціи какихъ-то исключительныхъ малорусскихъ симпатій, идей: слухъ—неосновательный. Если между студентами малороссами и великороссами, особенно въ началѣ курса, завязывались товарищескіе споры объ отличительныхъ достоинствахъ народности малорусской и великорусской, особенно народной поэзіи, народныхъ пѣсень; то дагѣ этихъ споровъ, впрочемъ полезныхъ, занимательныхъ, или же служившихъ пріятнымъ развлеченіемъ, дѣло не заходило: научно-литтературныя стремленія студентовъ были всегда не нивны, какъ общерусскія.

Наукѣ, почтить которую собрались мы нынѣ, принадлежитъ старѣйшинство въ ряду знаній, питавшихъ русскую мысль. Ея сила отерyla собою исторію умственнаго развитія нашего отечества. Россія жила непосредственною жизнію, безъ алфавита и литературы, пока не озарялъ ея свѣтъ вѣры. Всѣ условія и средства, необходимыя для развитія народа, она усвоила себѣ только тогда, когда явились проповѣдники Евангелія съ готовыми священными и богослужебными книгами: корень ея литературы возникъ изъ сѣмянъ, насажденныхъ трудами и заботливостію первоучителей славянскихъ. За тѣмъ долгое время Россія не знала свѣтской науки, и путь ея освѣщался единственно указаніями вѣры. Въ этой вѣрѣ была наша философія; въ этой вѣрѣ была наша духовная и національная крѣпость, въ години тяжкихъ испытаній, по свидѣтельству достопамятнаго историка, сохранявшая насъ на степени людей и гражданъ. Эта же вѣра вела насъ впередъ по пути историческаго прогресса: ея нужды вызвали у насъ первое систематическое изученіе науки, и наша школа, какъ и европейская, возникла первоначально при содѣйствіи церкви и ея служителей и въ нихъ видѣла главные органы распространенія научныхъ знаній. Первый русскій университетъ при своемъ основаніи видѣлъ впереди себя уже вѣковую дѣятельность духовной школы, разработывавшей богословіе, приготавливавшей просвѣщенныхъ дѣятелей для разныхъ отраслей жизни и способствовавшей насажденію и успѣхамъ самой свѣтской науки.

Въ многовѣковой дѣятельности русской богословствующей мысли, на которую мы обращаемъ ваше просвѣщенное вниманіе, мы видимъ одну руководящую идею, которая заправляла всѣмъ ходомъ ея исторіи и давала силу и единство ея разнообразнымъ трудамъ среди многихъ перемѣнъ, ею испытанныхъ. Эта идея дѣлаетъ не празднымъ наше служеніе на

поприщѣ міро-исторической научно-христіанской дѣятельности, хотя русская богословская наука не сдѣлала замѣтнаго вклада въ общее достояніе религіознаго сознанія народовъ. Мы не трудились надъ первоначальнымъ разъясненіемъ догмата христіанскаго; не намъ принадлежитъ первенство въ ученой разработкѣ тѣхъ предметовъ, которые составляютъ содержаніе богословской науки, въ широкомъ смыслѣ понимаемой. Но наше слово—вѣское слово живаго члена вселенской церкви, и полная, безпристрастная исторія не можетъ не дать ему виднаго мѣста на своихъ страницахъ. Мы хранители вселенскаго православія, и въ этомъ отношеніи прямые наслѣдники древнихъ отцовъ и писателей греческой церкви и первые соработники страждущихъ христіанъ нынѣшняго Востока. Въ этомъ храненіи чистоты христіанской истины, опредѣленной богопросвѣщенными мужами,—призваніе нашей церкви и нашей богословской науки, наша честь и наша слава, которая должна покрыть собою неказистость и немногочисленность нашихъ ученыхъ трудовъ. Внутренній ходъ развитія нашей науки и вниманіе къ православному Востоку, пробуждающееся на Западѣ, ставятъ предъ нами новую задачу, и время велитъ намъ думать о воздѣйствіи на тѣ умы и народы, которые не сохранили ученія Христова во всей его цѣлости, и въ религіозныхъ движеніяхъ то подвергаются колебаніямъ сомнѣнія, то спасаются отъ нихъ подъ охрану личнаго произвольнаго авторитета. Но въ прошедшей исторіи нашей русской богословствующей мысли все сосредоточивается около одной главной заботы—цѣлымъ, чистымъ и крѣпкимъ сохранить отеческое православіе среди движеній измѣнчиваго времени: сюда вели ее и обстоятельства, среди которыхъ утверждалось у насъ христіанство, и инстинктивные расположенія нашего народнаго духа, воспитанныя исторією.

Христіанское ученіе передано намъ греческимъ Востокомъ вскорѣ послѣ того, какъ оно окончательно опредѣлилось и утвердилось на вселенскихъ соборахъ и выразилось внѣшнимъ образомъ въ глубокосодержательныхъ формахъ и торжественно — умилительныхъ пѣсняхъ богослуженія. Греческая нація, трудами своихъ просвѣщенныхъ богослововъ послужившая уясненію христіанской истины, уже заканчивала свою міро-историческую работу праздникомъ православія, и при царяхъ Михайлѣ и Василиѣ, при патріархѣ Фотіѣ, среди необычайнаго торжества всенародно возвѣщается, съ амвона святой Софіи въ Константинополѣ, побѣда полная и окончательная надъ всѣми ересями и утвержденіе чистаго католическаго ученія въ предѣлахъ византійской имперіи. Между тѣмъ показывались признаки истощанія греческой націи и ослабленія восточной имперіи. На Западѣ сила человѣческаго авторитета присвоила себѣ право на самовольное распоряженіе наслѣдіемъ Христовымъ, и начиналось несчастное раздѣленіе церквей, доселѣ смущающее читателей мира Божія на землѣ: примѣсь человѣческихъ измышленій начала мутить, на пространствѣ цѣлой половины христіанскаго міра, чистый источникъ божественнаго ученія. Въ это время сила вѣры Христовой, эта вѣчно бодрая и живая историческая сила, пробиваетъ себѣ новое русло среди предѣловъ, еще не початыхъ, среди племенъ, еще только придвинувшихся къ двери исторической жизни. Господь въ церковь свою призываетъ новый русскій народъ, богатый надеждами въ будущемъ. И новыя племена съ жаромъ юности устремляются къ святому ученію, и изъ рукъ представителей церкви греческой берутъ сокровище вѣры въ томъ видѣ, въ какомъ завѣщала его намъ святая апостольская и соборная церковь. Открывается долгій періодъ воспитанія и приготавленія русскаго народа къ дѣлу храненія вѣры, ему предначначенаго.

Церковь греческая, передававшая намъ истину вѣры, обыкновенно не стѣсняла внутренняго развитія просвѣщаемыхъ ею странъ навязываніемъ имъ своего языка и установленіемъ полной зависимости ихъ отъ іерархическаго правительственнаго центра, во всѣхъ частныхъ отправленияхъ ихъ жизни. Она предоставляла себѣ общій надзоръ за ихъ жизнію и развитіемъ. Но въ нашемъ отечествѣ она ревниво оберегала цѣлость и чистоту православнаго исповѣданія. Первою заботою ея, послѣ просвѣщенія Россіи вѣрою, было предохраненіе ея отъ неправильнаго пониманія догмата и отъ увлеченія иновѣріемъ. Отъ того отъ грековъ, явившихся къ намъ для управленія новою русскою церковію въ санѣ митрополита, дошло до насъ больше всего полемическихъ сочиненій изъ древняго періода ¹⁾. Слово предостереженія раздается съ перваго дня послѣ принятія нами христіанства. Въ томъ символѣ вѣры, который преподали наши учителя Владиміру послѣ крещенія, мы читаемъ не одно раскрытіе догматовъ, не одинъ завѣтъ держаться семи соборовъ, но и замѣчательныя слова увѣщанія; «не преимай ученія отъ латынъ, ихъ же ученіе развращено... ихъ же блюдися ученія. Богъ да сохранитъ тя отъ сего» ²⁾. Часто повторялись подобныя слова какъ греками, такъ и русскими ³⁾, усвоившими себѣ полноту христіанскаго просвѣщенія, хотя наше отечество было удалено отъ непосредственнаго участія въ живыхъ спорахъ грековъ съ латинами, въ первые вѣка своего христіанства. Нравственными средствами убѣжденія дѣйствовали на князей и народъ охранители

¹⁾ Леонтій, второй митрополитъ нашъ, пишетъ *объ опрысноксахъ*; Георгій — *Стязаніе съ латиною*; Іоаннъ II показываетъ *оцыи или прегрѣшенія латинства*; Никифоръ, усерднѣйшій изъ древнѣйшихъ іерарховъ-грековъ, разнымъ князьямъ пишетъ посланія о латинской вѣрѣ.

²⁾ П. Собр. р. лѣт. 1, 51. 52.

³⁾ См. посланіе св. Феодосія печерскаго къ великому князю Изяславу о латинской вѣрѣ.

чистоты нашего православія: заключая въ письмени свои предостереженія, они совѣтовали наставляемымъ прочитывать учительныя посланія не однажды и не дважды, а многократно, и читать не самимъ только, но передавать и дѣтямъ и другимъ близкимъ людямъ, какъ читаемъ мы въ заключеніи посланія м. Никифора къ Мономаху ¹⁾. Но дѣйствуя словомъ и писаніемъ на убѣжденіе, воспитатели вѣры въ нашемъ народѣ опасались за его стойкость и неприкосновенность, въ случаѣ столкновенія его, еще новаго въ своемъ исповѣданіи, съ иновѣріемъ, вооруженнымъ сильными орудіями діалектики. Въ этихъ видахъ учителя вѣры совѣтовали народу, казавшемуся имъ еще мало утвержденнымъ въ вѣрѣ, уклоняться отъ всякаго общенія съ послѣдователями чужой вѣры. Такіе совѣты вы читаете въ посланіи преподобнаго Θεодосія печерскаго ²⁾, въ посланіи м. Никифора къ неизвѣстному князю, у котораго во владѣніяхъ были служащіе на оплаткахъ и принявшіе латинское ученіе ³⁾, и въ церковномъ правилѣ м. Іоанна II ⁴⁾.

Нашимъ современникамъ, цѣнящимъ идеи вѣротерпимости и выгоды гражданскихъ сношеній между лицами разныхъ исповѣданій, при замѣтномъ охлажденіи религіозной ревности, могутъ быть непонятны такіа наставленія. Но чтобъ видѣть ихъ значеніе, мы не должны призывать ихъ къ современному суду, а сами перенестись въ тотъ вѣкъ, который ихъ вызы-

¹⁾ Пам. росс. словесн. XII, стр. 152:

²⁾ Св. Θεодосій печерскій, предостерегая православныхъ отъ общенія съ латинянами, наставляетъ блюсти своихъ дочерей не давати за нихъ, ни у нихъ поимати, ни брататися, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни съ нимъ изъ единого судна ясти, ни пити, ни брашна ихъ пріимати. Тѣмъ же паки у насъ просищимъ Бога ради ясти и пити—дати имъ, но въ ихъ судѣхъ, аще ли не будетъ у нихъ судна, въ своемъ дати; потомъ измывши, дати молитву. Истор. церкви Мак. Т. II, прим. 224, стр- 297—8.

³⁾ Истор. церкви, Мак. Т. II, прим, 277, стр. 317.

⁴⁾ Русск. Достонам. Ч. I, стр. 83.

валъ, и въ тѣ условія, среди которыхъ они явились. Представьте себѣ людей, дорожащихъ чистотою вѣры, какъ зѣницею ока, и видящихъ въ ея цѣлости лучшее благо человека: это благо они передаютъ другимъ, впечатлительнымъ душамъ, и не знаютъ, сѣумѣютъ ли эти новички въ вѣрѣ оцѣнить все величіе этого блага: они не замѣчаютъ въ нихъ глубокаго и отчетливаго знанія преподаваемой имъ истины, а между тѣмъ со стороны иновѣрія замѣтно посягательство на отторженіе молодыхъ прививковъ отъ крѣпкаго дерева вселенской церкви. И вотъ святая ревность окружаетъ своимъ попеченіемъ молодую распускающуюся жизнь, и всѣми возможными средствами, даже внѣшними преградами, хотѣла бы защитить ее отъ чуждыхъ извращающихъ вліяній.

Соображая ходъ событій въ цѣлой исторіи, мы видимъ въ такихъ естественныхъ выраженіяхъ религіозной ревности у нашихъ первыхъ просвѣтителей тѣ воспитательныя средства, которыя направляли инстинктъ народной мысли къ охранительнымъ цѣлямъ, ему указаннымъ въ судьбахъ церкви Божіей. Тѣмъ же цѣлямъ служили другія событія, вызванныя нашею исторіею. Въ періодъ юношескаго воспитанія нашего народа его постигло тяжкое бѣдствіе, извѣстное подъ именемъ монгольскаго ига. Другимъ и въ другихъ случаѣхъ мы предоставляемъ обсуживать со всѣхъ сторонъ значеніе этого событія. Намъ нельзя не упомянуть о томъ вліяніи, какое имѣла эта бѣда на ходъ религіознаго сознанія въ Россіи. Она положила стѣну, на долгое время отдѣлившую наше отечество отъ живаго участія въ волненіяхъ европейской жизни: эта стѣна отстраняла насъ до времени отъ успѣховъ цивилизаціи и науки, выработывавшейся на Западѣ, но въ то же время она облегчала для насъ сохраненіе чистой истины Христовой, намъ врученной. При прямыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ народами другаго исповѣданія, намъ, при нашей молодости,

при юношеской способности къ увлеченіямъ, грозила опасность утратить цѣлость православія, когда и послѣ, въ вѣкъ большой зрѣлости, не всегда спасались отъ увлеченій цѣлыя массы образованнаго люда. Монгольское иго производило внѣшнее давленіе на народную жизнь, но не дѣлало посягательствъ на свободу ея внутренняго развитія. Подъ давленіемъ этого ига народъ, лишенный свободы политическихъ дѣйствій, долженъ былъ войти въ себя, и наступила для него эпоха внутренней работы самоуглубленнаго сознанія: между тѣми элементами, надъ которыми приходилось работать ему, первымъ и наиболѣе содержательнымъ былъ голосъ вѣры православной. Монастыри сдѣлались *пристанищами сего свѣта*, пріютами благочестныхъ книжныхъ упражненій, замѣнявшими наши академіи,—и туда съ поприща внѣшнихъ дѣйствій шли русскія богатырскія силы, искавшія дѣла и подвига, и тамъ совершали онѣ великій религіозный и патріотическій подвигъ, проводя въ жизнь евангельскій идеалъ путемъ аскетическаго самоотверженія, распространяя начала чистаго православнаго самосознанія народнаго, приготовляя и разсылая по обширнымъ предѣламъ малонаселеннаго царства просвѣтителей странъ и народовъ и стражей вѣры Христовой. Искаль утѣшенія и подкрѣпленія себѣ въ бѣдствіяхъ угнетенный народъ, и съ этимъ утѣшеніемъ шла къ нему одна церковь. Видя здѣсь единственную силу утѣшенія и опоры, народъ научился дорожить ею, какъ незамѣнимымъ сокровищемъ, и тогда укрѣпилась въ немъ та привязанность къ вѣрѣ православной, которая такъ сильно говоритъ о себѣ и доселѣ въ слояхъ народа, сохранившихъ въ цѣлости древнія преданія.

Такъ воспитался и укрѣпился охранительный инстинктъ нашей религіозной мысли. Изъ него, какъ изъ корня, по дѣйствію времени, возникли всѣ произведенія богословствующаго разума въ нашемъ отечествѣ, и имъ опредѣлилось значеніе

и цѣнность этихъ произведеній. При недостаткѣ образованія изъ него рождались болѣзненные отпрыски, видные въ нашемъ расколѣ, такъ широко вдающемся въ нашу исторію церкви. По дѣйствию охранительнаго инстинкта люди, привыкшіе дорожить цѣлостію истины вѣры, но не имѣющіе яснаго воззрѣнія на дѣло, въ каждомъ исправленіи случайной ошибки, утвержденной большею или меньшею давностію, подозрѣваютъ посягательства на истину, ввѣренную храненію народнаго духа, и потому своей привязанности къ буквѣ, къ внѣшности готовы жертвовать своимъ достояніемъ, имѣніемъ, отечествомъ и жизнію. Мы сожалѣемъ объ этихъ крайностяхъ, но и въ своихъ болѣзненныхъ проявленіяхъ онѣ служатъ видимымъ выраженіямъ крѣпости и тонкости охранительнаго начала, заправляющаго исторію нашей религіозно-умственной жизни.

Не малое время русская богословствующая мысль опиралась на верховное руководство церкви греческой, готовившей въ лицѣ нашей церкви богатаго если не преемника, то сотрудника своему служенію, въ виду тѣхъ опасностей, какія висѣли надъ ея головою. Оттуда, съ Востока, мы получали высшихъ правителей и учителей церкви, оттуда переносились къ намъ книжныя сокровища или въ готовыхъ славянскихъ переводахъ или въ нарочитыхъ, собственно для Россіи дѣлаемыхъ. На Аѳонѣ и въ Константинополѣ были цѣлыя колоніи русскихъ, которые занимались здѣсь списываніемъ и частію переводомъ книгъ и разсылали ихъ по разнымъ предѣламъ русскаго царства. Иногда являлись на митрополичьемъ престолѣ книголюбцы изъ южныхъ славянъ (между которыми свѣтло выдается имя св. Кипріяна), старавшіеся о перенесеніи къ намъ всего книжнаго богатства, извѣстнаго имъ въ ихъ отечествѣ, и въ тоже время показывавшіе значеніе книгъ *истинныхъ и ложныхъ*. Такимъ образомъ въ центры нашей духовной жизни переносился большой запасъ поучительныхъ религіозныхъ

книгъ, какъ бы для храненія отъ хищеній безпокойнаго времени и вмѣстѣ для поддержанія и даже возбужденія будущей дѣятельности религіозной мысли. Къ концу воспитательнаго періода русской церкви въ московской великокняжеской библіотекѣ собралось такое богатство книгъ и греческихъ и славянскихъ, что оно привело въ удивленіе ученаго грека, выдавшаго знаменитыя библіотеки Европы.

Тихо и мѣрно совершался медленный процессъ усвоенія христіанской истины русскимъ сознаниемъ: онъ слѣдовалъ закону непосредственнаго возрастанія сѣмени въ нѣдрахъ народнаго духа. Промыслъ до окончательной зрѣлости нашего религіознаго разума заботливо устранялъ отъ насъ догматическія разногласія и словопренія. Наше сознаніе не мучилось страданіями при уясненіи многосодержательнаго ученія христіанскаго: оно приняло его какъ готовый даръ, въ ясной опредѣленности, а люди пишущіе, цѣня этотъ даръ, держали его вдали отъ безпокойныхъ споровъ, какъ предметъ почтенія и несомнѣннаго авторитета.

Вниманіе литературы и представительной мысли устремлено было главнымъ образомъ къ практической, нравственной сторонѣ христіанства и частію юридически-бытовой. Обильный циклъ словъ и посланій, завѣщанныхъ намъ древностію, вмѣстѣ съ цикломъ житій святыхъ, говоритъ общественной совѣсти, указывая ей пути и образцы нравственнаго совершенства, представляя уклоненія отъ этихъ путей и образцовъ съ ихъ опасными послѣдствіями, и побуждая ее къ возвышенію уровня нравственной жизни. Слово часто бывало сильно и настойчиво, но вообще безыскусственно. Узоры византійской реторики, видные въ игривомъ словѣ Кирилла Туровскаго, были исключеніемъ на нашей почвѣ и казались чужеземнымъ растеніемъ, потому повторялись только въ произведеніяхъ людей греческаго образованія, каковъ напримѣръ Григорій Цамвлакъ.

Заботили людей, стоящихъ на верху просвѣщенія, невольныя прираженія языческой старины къ чистотѣ христіанскаго исповѣданія въ умахъ народа. Обличеніе и вразумленіе *христіанъ двоевѣрно* живущихъ со стороны нашихъ *христіолюбцевъ*, усиливающееся съ каждымъ поколѣніемъ, начиная со времени св. Θεодосія печерскаго, составляетъ интереснѣйшую сторону нашего древнѣйшаго богословствованія. Читая слова и посланія, сюда относящіяся, вы цѣните живучія усилія къ очищенію христіанскаго идеала, подвергавшагося преломленію при проникновеніи въ глубь народнаго сознанія. *Ревнители по правой вѣрѣ*, для приданія большаго вѣса своему вразумленію, обращались къ авторитету вселенскихъ учителей, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и Василія Великаго, и ихъ именемъ подкрѣпляли свое слово. Ученикъ еще не успѣлъ усвоить власти и авторитета учителя.

Вообще молодое сознаніе, идя по указанному пути, долгое время не принимало на свой страхъ никакого новаго вопроса или недоумѣнія, а обращалось къ старѣйшей церкви, и отъ нея ждало себѣ рѣшающаго отвѣта. Также когда угрожали нападенія на цѣлость православія со стороны ино-вѣрія, русская мысль, не считавшая себя окончательно укрѣпившеюся, отсылала самонадѣянныхъ совопросниковъ туда, откуда получила она начала вѣры и церковно-религіозной жизни. Такъ въ половинѣ XIV столѣтія вызвался обратить Россію въ папство Магнусъ, король шведскій: онъ явился съ войскомъ въ предѣлахъ новгородскихъ, и предложилъ новгородцамъ прислать умныхъ людей для пренія о вѣрѣ. Новгородцы отвѣчали: «мы приняли вѣру отъ грековъ, и потому, если король хочетъ узнать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ пословъ къ патріарху» ¹⁾. Отвѣтъ этотъ характеризовалъ

¹⁾ Истор. русск. церкви, Филар. ч- 2. стр. 48—9.

общее направленіе русскаго религіознаго сознанія, обращеннаго къ Востоку. Въ Константинополѣ его представитель (Θεογностъ сарскій) въ началѣ XIV вѣка искалъ разъясненія нѣкоторыхъ недоумѣній о постахъ и чинѣ богослуженія. Изъ Константинополя же слались увѣщательныя грамоты къ намъ на Сѣверъ ¹⁾, когда въ предѣлахъ псковскихъ и новгородскихъ явилось первое замѣчательное волненіе церковное, извѣстное подъ именемъ ереси стригольниковъ, соблазнявшихся поставленіемъ духовныхъ лицъ на мздѣ и доходившихъ до отверженія церковной іерархіи.

Время самостоятельности русской богословствующей мысли открылось тогда, когда многіе греки на флорентійскомъ соборѣ угодливостію предъ папою и измѣною отеческой вѣрѣ хотѣли купить себѣ помощь Запада для спасенія отъ пораженія и гибели своего отечества, и когда послѣдній митрополитъ русскій изъ грековъ хотѣлъ увлечь за собою къ уніи съ Римомъ все русское царство. Это было предъ самымъ паденіемъ Константинополя. «*Епископы русскіе люди не книжные*» ²⁾, увѣрялъ папу Евгенія митрополитъ Исидоръ, и смѣло думалъ заставить ихъ согласиться на все, къ чему могла быть вынуждена стѣсненная нація въ лицѣ блюстителей земнаго благополучія. Но эти не книжные люди опирались на живое непосредственное чувство вѣры и сильны были увѣренностію въ правотѣ своихъ убѣжденій. Москва, а за нею и весь русскій народъ возсталъ какъ одинъ человекъ противъ Исидора, когда онъ сталъ проповѣдывать унію съ Римомъ.

Тогда Россія пришла въ сознаніе своей церковно-религіозной задачи и увидѣла, что пришло время ей въ дѣлахъ вѣры опираться на свою собственную мысль, на мысль богопросвѣ-

¹⁾ Патріарха Пила «о проторехъ иже на поставленіяхъ», патріарха Автопія «о проторехъ и исторехъ, иже на поставленіяхъ священныхъ».

²⁾ Ист. р. церквн, Мак. Т. V, стр. 257.

ценныхъ отцовъ и учителей своей церкви. Не прерывая общенія любви съ греческою церковію, она освободилась отъ ея опеки и надзора, и съ утвержденія константинопольскаго патріарха (Геннадія) стала жить самостоятельною жизнію. И если прежде наши предки искали въ Константинополѣ разъясненія своихъ недоумѣній и руководства въ толкованіяхъ вѣры, то теперь, послѣ исторіи съ Исидоромъ, явилась подозрительность и къ грекамъ, усиленная тѣмъ обстоятельствомъ, что Константинополь былъ въ рукахъ мусульманъ, враговъ вѣры христіанской: подъ игомъ невѣрныхъ, казалось нашимъ предкамъ, страдальческая нація можетъ не вынести испытанія и окажется не въ силахъ сохранить дорогое наслѣдіе вѣры. Эта подозрительность возбуждала къ самостоятельности русскую богословствующую мысль. Уже съ сознаниемъ о себѣ, какъ живомъ самостоятельномъ членѣ вселенской церкви, послѣ паденія Константинополя, относится къ вопросамъ и людямъ вѣра русская. Она не отсылаетъ теперь представителей иновѣрія къ патріарху для преній о вопросахъ богословскихъ, а сама хочетъ повѣрять самихъ грековъ. Голосъ такого признанія слышится въ отвѣтѣ Грознаго Поссевино, когда этотъ примѣромъ грековъ убѣждалъ царя принять положеніе флорентійскаго собора: *«греки для насъ не евангеліе; мы примѣмъ Христа, а не грекамъ»*. Начавши сознавать себя единственными самостоятельными хранителями истинной вѣры Христовой, русскіе люди тѣмъ сильнѣе привязывались къ ней, чѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ смотрѣли на свое новое призваніе. Иностранцы, бывавшіе въ Россіи въ тѣ времена, удивлялись такой привязанности русскихъ къ своей вѣрѣ; измѣна сѣ казалась имъ самымъ большимъ несчастіемъ, какое только можетъ случиться съ человѣкомъ на землѣ ¹⁾).

¹⁾ Свидѣтельство Поссевина въ Ист. р. церкви Филар. ч. III, стр. 75.

историческій путь, нужно было съ собранными, обновленными и укрѣпленными силами, съ очищенными средствами пускаться въ этотъ путь. На запросы времени отвѣчаетъ прежде всего собирательная дѣятельность новгородскихъ святителей, давшая нашимъ предкамъ первую полную Библію (Геннадіевскую) и великую богословскую энциклопедію въ Четьихъ Минеяхъ Макарія. На запросы времени отвѣчаетъ далѣе критическая и просвѣтительная дѣятельность Максима грека, явившагося къ намъ, когда русское церковное представительство искало ученыхъ силъ на Востокѣ въ пособіе себѣ при рѣшеніи трудныхъ задачъ. Онъ описываетъ рукописи великокняжеской библіотеки, переводить нѣкоторыя изъ нихъ на славянскій языкъ, исправляетъ существующіе переводы: это было то нарочитое дѣло, для котораго звали на Русь Максима грека. Но не въ одномъ внѣшнемъ очищеніи и раскрытіи книжнаго богатства нуждалась тогдашняя Русь. Ученая мысль Максима поразила множествомъ внутреннихъ нестроений,—и вотъ, *разжигаемый божественною ревностію*, онъ заботится и объ очищеніи и объ укрѣпленіи той вѣры, какою жили наши предки, и объ отраженіи ложныхъ заразительныхъ вліяній. Его широкая литературная дѣятельность посвящена обличенію *эллинской прелести, іудейскаго зловѣрія, лстивныхъ писаній латинянина* и разныхъ грубыхъ суевѣрій, разносимыхъ апокрифическою книжностію. У Максима ищутъ просвѣщенія любознательные русскіе люди, и онъ съ охотою распространяетъ его въ группировавшейся вокругъ него дружинѣ, видя и указывая въ просвѣщеніи главное орудіе противъ всѣхъ родовъ заблужденія; но въ то же время совѣтуетъ своимъ ученикамъ внимать только православнымъ наставникамъ и беречься, какъ *злѣйшей коросты и гангрены, ученія латинянкъ*, которые, по его словамъ, увлеклись внѣшнимъ просвѣщеніемъ и доселѣ прельщаются *ученіями эллинскими и римскими, книгами еврейскими и арабскими*.

Въ словахъ Максима грека, взывавшаго къ необходимости просвѣщенія въ виду тѣхъ задачъ, какія предстояли русскому религіозному сознанію, не слышался голосъ заѣзжей учености: этому голосу придавали силу многіе русскіе умы. Еще прежде Максима горько жаловался на крайній недостатокъ не только образованныхъ, но и грамотныхъ людей въ землѣ русской Геннадій, архіепископъ новгородскій, и не находилъ, кого ставить въ пастыри церкви, учителя народа и охранители вѣры. Послѣ Максима съ особенною силою выразилось это желаніе просвѣщенія во дни Стоглаваго собора, бывшаго въ древней Россіи самымъ замѣтнымъ органомъ религіознаго самосознанія и сказавшимъ послѣднее слово, къ какому привело вѣрующую мысль движеніе религіозной жизни всего предыдущаго времени.

Это послѣднее слово, перебравши неурюстройства и болѣзни древней Руси, ищетъ спасенія отъ нихъ въ насажденіи и распространеніи духовнаго просвѣщенія. Отъ недостатка образованія, по признанію собора, усиливалась порча богослужебныхъ книгъ, въ народѣ распространялись грубыя басни и суевѣрія и оскудѣвали органы просвѣтительнаго дѣйствія христіанства. Потому на немъ положено было принять мѣры къ устраненію этого зла, чтобы поставить русскую мысль въ уровень съ своею задачею. Но принятія мѣры не могли довести до желанной цѣли; потому что для устроенія полной правильной школы не было у насъ наличныхъ образованныхъ силъ, и дѣло просвѣщенія возлагалось на доморощенныхъ мастеровъ, *гораздыхъ только грамотъ, читать и писать*. Заимствоваться знаніемъ отъ другихъ соборъ не рѣшался, изъ опасенія потерять при этомъ врученное древностію достояніе вѣры. Забвеніе старины, вторженіе иноземныхъ вліяній заботило его не менѣе невѣжественной грубости народа. Соборъ сокрушался не о томъ только, что нѣтъ образованныхъ людей

Скоро послѣ утвержденія самостоятельности русской церкви, нашей богословствующей мысли выпало первое трудное испытаніе: ей пришлось выдержать довольно серьезную борьбу за неприкосновенность святыни вѣры. Въ предѣлы нашей церкви, прежде огражденной отъ сосѣднихъ странъ, начали проторгаться чуждыя вліянія, а вмѣстѣ съ ними и чужія заблужденія: явилась ересь, извѣстная въ исторіи подъ именемъ ереси жидовствующихъ, въ которой сгруппировалось много наносныхъ нечистыхъ элементовъ—и раціоналистическихъ и жидовскихъ. Изъ Новгорода, болѣе другихъ городовъ въ древности подверженнаго вліяніямъ иностраннымъ, броженіе перешло въ Москву, и заразило многихъ изъ видныхъ сферъ,—свѣтскихъ и духовныхъ. Тогда блистательно выступила на дѣло своего служенія русская мысль. Нашлись люди съ кипучей ревностію, призывавшею все средства для подавленія нечистыхъ мнѣній, у насъ отродившихся, и оказалось довольно начитанности въ избранномъ обществѣ, жившемъ духомъ вѣры православной, много знанія писанія, отцовъ и исторіи церкви, и здравая мысль вѣрующихъ искусно умѣла пользоваться приобретеными свѣдѣніями къ побѣдоносной защитѣ истинъ вѣры, подвергавшихся нападенію. Живые свидѣтели того—*«Провѣтитель»* св. Іосифа Волоцкаго и *«Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи»* Зиновія Отенскаго. Они—первое дѣятельное выраженіе охранительнаго стремленія, лежащаго въ основѣ нашихъ богословскихъ трудовъ. И исторія, говоря о нихъ, замѣчала въ нихъ и свѣтлое пониманіе христіанства, и силу мысли, опирающуюся на обильное знаніе религіозное, достойныя націй болѣе зрѣлыхъ, чѣмъ какимъ былъ нашъ русскій народъ въ вѣкъ Іосифа Волоцкаго. Замѣчательно еще при этомъ, что въ станѣ защитниковъ цѣлости вѣры, при согласіи въ догматы, явились разныя направленія, отличавшіяся одно отъ другаго воззрѣніями на способы

отношенія къ отпадающимъ отъ вѣры, и въ нѣдрахъ единомышленной церкви была критика, сдерживающая отъ увлеченій ревнителей истины. Такъ когда замѣтенъ сталъ гонительный духъ въ посланіяхъ Іосифа Волоцкаго, его сдерживали и обличали нарочитымъ писаніемъ Кириллова монастыря старцы, не одобрявшіе гнѣвныхъ словъ и жестокихъ казней, какими тогда хотѣли смирить и подавить распространившуюся ересь ¹⁾).

Но какъ ни силенъ былъ подвигъ вѣрующей мысли русской на первыхъ порахъ ея самостоятельной дѣятельности, онъ не могъ служить полнымъ успокоеніемъ для народа, почувствовавшаго въ себѣ призваніе быть охранителемъ святыни православія. Если святая ревность по вѣрѣ была общимъ достояніемъ всей массы народа, то глубокое и свѣтлое пониманіе христіанства было лишь у избранныхъ, посвятившихъ себя благочестивымъ упражненіямъ монастырской жизни, или обставленныхъ особенно благопріятными, не для многихъ доступными, условіями воспитанія. Предъ глазами этихъ избранныхъ стояли широкія и трудныя задачи, звавшія къ себѣ на работу испытанныя силы. При политическомъ собираніи Руси, въ періодъ московскихъ князей, народное самосознаніе силою вещей обращено было къ прошедшей жизни и увидѣло нужду взвѣсить нажитое долговременнымъ опытомъ богатство. Умственно-религіозное богатство было разбросано и не приведено въ ясность; обильныя священныя памяти были разсѣяны; книжныя сокровища лежали въ библіотекахъ и были мертвымъ капиталомъ; въ ходячихъ книгахъ были неисправности и онѣ росли и умножались. Представленія народа, покорнаго церкви, но лишеннаго образованія, были темны и покрыты суевѣріями: а о бокъ съ нимъ стояли чужія вліянія, обладавшія большимъ образованіемъ. Русской мысли, видѣвшей предъ собою далекій

¹⁾ Др. Росс. Вивліотека. Ч. XV. стр. 424.

для защиты вѣры и распространенія ея въ народѣ, но и о томъ, что многіе священныя обычаи въ церкви поизшатались, многіе законы и преданія нарушены и великое и неистощимое богатство въ церкви русской предано забвенію. Въ слѣдствіе этого и послѣ распоряженія собора охранителями вѣры и проводниками ея въ народъ оставались люди непосредственнаго чувства, и на верху мыслящаго общества являлись начетчики, часто обладавшіе естественною сильною діалектикою, но не пользовавшіеся пособіями систематической и правильной науки.

Новое время настало у насъ для богословской науки тогда, когда первоначально на югѣ Россіи явилась правильная школа, познакоившая нашихъ предковъ съ методами изслѣдованія науки, употреблявшимися на Западѣ, и снабдившая ихъ испытанными руководствами и орудіями для научной работы. Ее вызвала у насъ явная опасность для нашей вѣры: враги нашего православія своими нападеніями настоятельнѣе содѣйствовали ея устроенію, чѣмъ внутреннія желанія народа, предоставленнаго самому себѣ. «Если бы изшедшіе отъ насъ не возстали на насъ (говорилъ одинъ депутатъ русскій на польскомъ сеймѣ въ 1820 году), то такія науки, такія училища, такое число достойныхъ ученыхъ людей не явились бы въ русскомъ народѣ; ученіе во храмахъ нашихъ по прежнему было бы покрыто тьмою нерадѣнія» ¹⁾. Внутреннее состояніе народа, полное грубыхъ суевѣрій, давно взывало къ власти и силѣ о настоятельной нуждѣ просвѣщенія. Но въ попыткахъ къ удовлетворенію этой потребности не было ни энергіи, ни умѣнья: дѣло шло вяло, пока не былъ затронутъ священнѣйшій интересъ народа. Но вотъ іезуитская хитрость, воспользовавшись силами Рѣчи Посполитой, стала ратовать во вредъ православія,

¹⁾ Ист. уніи Бантышъ-Каменскаго. стр. 69.

стараясь привлечь къ единенію съ Римомъ цѣлую половину Россіи,—и вострепнулся русскій народъ, и началъ думать о средствахъ къ защищенію ввѣреннаго ему сокровища. Братскіе союзы изъ всѣхъ сословій православнаго южно-русскаго народа, по благословенію патріарха Іереміи, приложили заботу свою къ тому, чтобы воспитать молодія силы для успѣшнаго противодѣйствія пропагандѣ иновѣрія. Благодаря ихъ жертвамъ и заботливости, явились школы въ разныхъ городахъ здѣшняго края. И Богъ благословилъ усиліемъ религіозно-патріотическія стремленія, и увѣнчалъ школу, явившуюся первоначально для защиты православія. Намъ пріятно вспомнить, что главныя заботы и надежды и преимущественное благословеніе Божіе сосредоточились на той школѣ, мѣсто и преданія которой мы унаслѣдовали. Окружаемая попеченіями, благодаря просвѣщенной инициативѣ достопамятнаго въ исторіи русскаго образованія Петра Могилы, она скоро выросла до такихъ размѣровъ, что сравнилась въ объемѣ и совершенствѣ съ академіями и университетами польскими и европейскими, и стала крѣпкимъ оплотомъ православія и русской народности.

Новая школа явилась для охраненія и защищенія православія. Но она организована была Петромъ Могилою по западному образцу: программа наукъ, въ ней читаемыхъ, взята была изъ краковской академіи; по многимъ наукамъ приняты были польскія руководства; языкомъ школы сдѣлался языкъ латинскій и частію польскій; всѣ дисциплинарные и учебные порядки взяты были изъ польскихъ іезуитскихъ заведеній. Люди готовившіеся быть учителями кievской школы отправляемы были въ заграничныя университеты для окончательнаго образованія. Охранительный инстинктъ народа, вызывавшій школу на дѣятельность, не былъ равнодушенъ къ нововведеніямъ, заимствованнымъ изъ страны иновѣрной, и представителямъ школы по временамъ давалъ живо чувствовать ту задачу, какая на нее

возложена. Когда послѣ преобразованія кievской школы Петромъ Могилою, еще прежде чѣмъ эта преобразованная школа успѣла принести плоды свои, кто-то шепнулъ кievскому шляхетству, можетъ быть по возбужденію завистливаго разсчета враговъ, что новые учителя хотятъ ломать старину и вмѣстѣ съ новыми порядками введутъ новую вѣру, — поднялась такая буря, что представители школы, по свидѣтельству Сильвестра Косова ¹⁾, боялись за свою жизнь, и успокоился взволнованный народъ только клятвенными обѣщаніями вѣрности старинѣ и преданіямъ народа.

Соотвѣтственно главной задачѣ, вызвавшей южно-русскую школу, главное проявленіе дѣятельности, въ ней приготовленной, состояло въ полемико-охранительной богословской литературѣ. Апологетическая литература XVII вѣка одно изъ честныхъ, красныхъ явленій, записанныхъ на страницахъ нашей исторіи. Сильные борцы явились въ православной церкви (Христофоръ Бронскій, Захарія Копыстенскій, Іоанникій Голятовскій, Лазарь Барановичъ и другіе), и ни одно нападеніе иномыслящихъ не осталось безъ отпора, ни одно возраженіе не прошло безъ замѣчанія. Апокризисъ, Палинодія и рядъ другихъ подобныхъ произведеній составляетъ такое классическое богатство, которымъ должны дорожить потомки, какъ своею славою: въ нихъ положена душа и мысль нашихъ предковъ, принимавшихъ къ сердцу самые дорогіе интересы наши. Этою апологетикою спасено православіе на югѣ и западѣ Россіи, удержаны отъ перехода въ чужое стадо сотни и тысячи членовъ православной церкви, колебавшихся то на десное, то на шусе, при той суматохѣ, какая поднялась во владѣніяхъ старой Польши, населенныхъ русскимъ племенемъ, по дѣйствию іезуитской политики.

¹⁾ Киевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академію, стр. 129.

Защищая православіе, южно-русская школа спасала не одну вѣру; она сохрняла отечеству его сыновъ, сохраняла въ нихъ ту любовь, которая спланиваетъ во едино племена и не даетъ имъ разойтись по чужимъ полямъ и селеніямъ. Еслибы одержала верхъ здѣсь католическая пропаганда, съ которою боролась богословская школа, между восточною и западною Русью образовалась бы такая пропасть, которой не наполнили бы ни гениальныя усилія искусныхъ администраторовъ, ни счастливыя побѣды опытныхъ полководцевъ. Вѣра—великая спланивающая сила. И въ нашъ равнодушный къ религіи вѣкъ она опредѣляетъ собою симпатіи и антипатіи; а тогда нервъ вѣры бился сильнѣе, чѣмъ теперь, и претворялъ собою въ два, три поколѣнія цѣлыя племена. Сколько древнихъ фамилій оторвано было отъ русскаго корня въ періодъ польскихъ насилій! Съ теченіемъ времени онѣ готовы были не разъ подать руку врагамъ нашего отечества во имя чуждой національности. Ихъ сдѣлала враждебными русскому имени та вѣра, которую они приняли, потерявъ православіе; вѣра измѣнила ихъ соки и убила въ нихъ русскія чувства.

Движеніе и измѣненія нашей исторіи отдалили отъ нашихъ глазъ то горячее и трудное время, когда во всемъ напряженіи своихъ силъ на духовной стражѣ русской вѣры и народности стояла наша древняя школа. Мы не имѣемъ нужды прибѣгать за пособіями къ тому богатому архиву, въ которомъ хранится наслѣдіе, оставленное намъ древними борцами за православіе. Но не одно любопытство должно склонять наше вниманіе, если не къ изученію, то къ воспоминанію тѣхъ пріемовъ и орудій, какими пользовались наши предки и предшественники по наукѣ. Въ виду вопросовъ новаго времени, при успѣхахъ нашей науки, мы въ другихъ мѣстахъ ищемъ пособій себѣ. Но духъ, которымъ живемъ и движемся мы въ своей работѣ, тотъ же крѣпкій, несокрушимый духъ, кото-

рый побѣдоносно перенесъ великое испытаніе и закалялъ себя въ борьбѣ на цѣлые вѣка для неподатливаго противодѣйствія ударамъ переменчиваго времени: своими воспоминаніями о далекихъ подвижникахъ православной науки мы освѣжаемъ въ себѣ тѣ силы, на которыхъ зиждется вся исторія умственно-богословской жизни.

При мысли о судьбахъ богословской науки въ нашемъ отечествѣ, мы хотѣли бы подольше остановиться своимъ вниманіемъ на старой кievской школѣ. Она первенецъ всѣхъ русскихъ школъ, и въ ней корень нашей теперешней науки. Вызванная религіозными нуждами, она не могла посвятить всѣхъ силъ исключительно богословію. Ей нужно было разчистить невоздѣланное поле и возрастить образованныя силы, которыя могли бы воспринять высшія истины богословской науки. Богословіе являлось въ пей вѣнцомъ и заключеніемъ ея длинной работы: съ первыхъ элементарныхъ началъ образованія она вела свое дѣло и шла къ богословію чрезъ грамматику, поэзію, реторику и философію. Вниманіе ея при этомъ обращено было на формальную сторону мысли,—ее хотѣла она приучить къ діалектической гибкости, слово къ реторической развязности. При преслѣдованіи такой задачи не столько обращалось вниманія на положительное историческое содержаніе науки, сколько требуютъ того взгляды нынѣшняго времени. Но отъ того между прочимъ, при заимствованіи всѣхъ формъ научнаго дѣла съ Запада, оставалось неприкосновеннымъ внутреннее зерно вѣры, для защиты котораго нужно было дрессировать и укрѣплять мысль и слово.

Богословская наука, составлявшая вѣнецъ и цѣль родоначальницы русскихъ школъ, укладывала въ формулы схоластической системы сумму христіанскаго знанія. У учителей богословія, между которыми особенно славился Іоасафъ Кроковскій, были подъ руками руководственныя книги Петра

Ломбарда, Томы Аквината, Дунса Скота и другихъ, и по нимъ они составляли свои уроки. Излагаемые на латинскомъ языкѣ, эти уроки не имѣли особенной живости; но за этимъ и не гонялась наша старая школа. Логическая твердость, доказательность и раздѣльность—вотъ тѣ качества, по которымъ цѣнилось достоинство тогдашнихъ системъ. Генетическое изложеніе и развитіе догмата не останавливало на себѣ вниманія систематиковъ: послѣ краткихъ опредѣленій, они спѣшили переходить къ доказательствамъ, и кучу ихъ набирали изъ писанія, отцовъ и естественныхъ соображеній. Часто не одна внутренняя сила доказательствъ, но и внѣшнее количество ихъ признавалось признакомъ особенной силы изложенія. Въ слѣдствіе такого вкуса иногда чрезъ мѣру растягивался рядъ доказательствъ и между ними являлись указанія сомнительнаго достоинства: рядомъ съ текстами писанія ставились изреченія сивиллъ, выраженія языческихъ писателей, нерѣдко не имѣющія близкаго отношенія къ предмету доказательствъ; рядомъ съ соображеніями разума, основанными на разсмотрѣніи существа дѣла, какія либо символическія сближенія, сравненія, вырванные изъ контекста библейской рѣчи иносказанія и т. п. Послѣ доказательствъ слѣдовалъ рядъ возраженій или недоумѣній, вызываемыхъ положительною стороною догмата: это было дѣломъ любопытства, и для удовлетворенія ученому любопытству схоластическія системы къ концу разбора cadaго положенія приводили множество вопросовъ, иногда самыхъ утонченныхъ и натянутыхъ, иногда мелкихъ и курьезныхъ: чрезъ нихъ, какъ чрезъ дробное сито, онѣ просѣивали содержаніе догмата, и тѣмъ думали устранять отъ сознанія учениковъ всякую неясность представленія.

Чужими руководствами пользовались излагатели православнаго богословія въ нашей старой школѣ, но они отнюдь не подчинялись имъ слѣпо во всѣхъ частяхъ своей науки. Они

говорили съ ихъ голоса въ трактатахъ объ общихъ богословскихъ предметахъ, о которыхъ согласно исповѣдуютъ всѣ христіанскія общества; они заимствовали форму, методу и общій распорядокъ изслѣдованія предмета. Но въ пунктахъ разногласія наша наука была очень стойка и вѣрна себѣ: заимствуя внѣшнія формулы изъ чужихъ системъ, она наполняла ихъ своимъ содержаніемъ, и отсюду собирала доказательства къ оправданію своего исповѣданія, была неутомима въ опроверженіи заблуденій, искажавшихъ чистое исповѣданіе вѣры, и тѣхъ доводовъ, какими заблужденія хотѣли подрывать твердость этого исповѣданія. Эта часть въ системахъ была самая близкая къ сердцу учителей и потому самая жизненная и интересная: здѣсь нужно было имъ самимъ потрудиться, отбросивши чужія пособія; а куда больше кладется своего труда, то больше и возбуждаетъ къ себѣ симпатіи и пристрастія; здѣсь далѣе главная суть задачи, для которой излагалось богословіе, и потому сюда обращена была и сила и вниманіе. Полемическое богословіе не было тогда особенною самостоятельною наукою, какъ то сдѣлалось впослѣдствіи. Но состязательная часть въ старыхъ системахъ занимала очень видное мѣсто, при положительномъ раскрытіи вѣры, и считалась важнымъ и необходимымъ дополненіемъ богословія созерцательнаго. Она не только широко разрасталась въ изложеніи отличительныхъ пунктовъ православнаго ученія, но и переплетала собою систематическое изложеніе прочихъ христіанскихъ догматовъ.

При всемъ уваженіи къ заслугамъ нашихъ предковъ, мы не можемъ не замѣтить нѣкоторой односторонности и ограниченности въ богословской программѣ старой школы. Четыре года продолжался богословскій курсъ ея, но въ этотъ долгій курсъ не всѣ части богословія подпадали разсмотрѣнію учителей. Проходило собственно катехизическое ученіе, переложенное въ схоластическую систему: система ширилась и разрасталась отъ

тѣхъ пріемовъ, съ какими приступали къ каждой матеріи; дробленіе понятій, кучи доказательствъ на каждое положеніе и увлеченіе совопросничествомъ въ видахъ удовлетворенія любопытству и приданія большей основательности изложенію замедляли быстрое движеніе теоретическаго изслѣдованія истины. Но объемъ богословской науки оставался все-таки узкимъ, какъ широко ни разбухала система: въ ней оставались важные пробѣлы, которыхъ не замѣчали схоластическая наука, увлеченная односторонностію своихъ стремленій. Именно, были отодвинуты на задній планъ и даже совсѣмъ оставлены библейскій и историческій элементъ въ богословской наукѣ,— тѣ составныя части богословія, на которыхъ нынѣ опирается изученіе этой науки. Силлогистическими подмостками подпирала схоластическая наука частныя положенія вѣры, на которыя раздроблено въ ней было общее содержаніе христіанства; но оставляла въ сторонѣ Библію, изъ которой вытекаетъ и которою повѣряется вся цѣлость христіанскаго ученія. Она тратила время и силы на рѣшеніе возраженій, часто выдуманныхъ для нарочитыхъ упражненій разсудка; но жизнь церкви, ростъ ея мысли, весь богатый и многосложный опытъ, въ которомъ осуществилось и раскрылось христіанство для нашего сознанія,— все это не интересовало много людей разсудочно-теоретическаго направленія; а историческимъ предметамъ они не отводили нарочитаго мѣста въ своей программѣ и системѣ.

Не свыкшись съ историческимъ путемъ изслѣдованія предметовъ, обходя широкіе виды, открывающіеся на этомъ пути, наука богословская въ нашей древней школѣ не замыкалась въ свой тѣсный кругъ. Ведя рядъ изслѣдованій по опредѣленной нити, начертанной системою, она включала въ свой кругъ много соприкосновенныхъ предметовъ, которые не имѣли прямаго отношенія къ истинамъ христіанства, со-

ставляющимъ существенное содержаніе богословія, а какъ бы случайно попадали на ея глазъ. Отъ того въ системахъ, служащихъ выраженіемъ древняго богословскаго образованія (напр. Катихизисъ Зизанія, Зерцалъ богословія и Вѣнецъ вѣры), встрѣчаются умствования и свѣдѣнія, выходящія за предѣлы богословія и къ нашему православію не пригодныя, какъ объясняли Зизанію игумень Илья и справщикъ Григорій, по повелѣнію патріарха Филарета разсматривавшіе его «Оглашеніе», привезенное имъ въ Москву ¹⁾. Эти къ нашему православію не пригодныя вещи были свѣдѣнія естественныя и астрономическія, какими при случаѣ наполняли свои системы древніе учителя богословія. Толкуя напримѣръ о твореніи неба и земли, они распространяются о числѣ небесъ, о кругахъ небесныхъ, зодіакѣ, солнечномъ затмѣніи, громѣ и молніи, тресновеніи и шибеніи, перунѣ, кометахъ и другихъ звѣздахъ, существѣ и составѣ стихій земныхъ и т. п. ²⁾. Соборъ 1690 года, разсуждавшій о мнѣніяхъ, вторгшихся къ намъ чрезъ кіевскихъ ученыхъ, разсматривая *Вънецъ вѣры*, обратилъ вниманіе на разсѣянные въ немъ басноповѣданія о количествахъ и качествахъ круговъ небесныхъ и о мѣрахъ разстоянія между ихъ, и колико число миль отъ земли до тверди и отъ центра земнаго до эмирейскаго неба, количествѣ лѣтъ шествія человѣку и т. под. Это лишніе захваты со стороны богословія; они извинительны при тогдашнемъ состояніи наукъ, когда школьная программа не пестрѣла множествомъ знаній, нынѣ преподаваемыхъ; естественно было со стороны науки, вѣнчающей собою всѣ знанія, касаться многихъ любопытныхъ предметовъ,

¹⁾ См. Лѣтописи русской литературы и древн. 1859 кн. IV. стр. 80—100, Преніе литовскаго протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Іліею и справщикомъ Григоріемъ по поводу исправленія составленнаго Лаврентіемъ Катихизиса.

²⁾ Лг. русск. лит. и древн. кн. IV.

тогда не имѣвшихъ нарочной для себя каеэдры. Но дѣло въ томъ, что здѣсь мы видимъ себя въ странѣ зыбкихъ гипотезъ и легкихъ предположеній, выдаваемыхъ за положительное слово. Наивная мысль не опирается на опытъ и строгій голосъ науки и выставляетъ на видъ пріобрѣтенія сомнительной цѣнности: у нея нѣтъ критическаго мѣрила по отношенію къ знаніямъ, не опредѣленнымъ церковію ¹⁾. Въ старые годы мысль зорко слѣдила за вѣрностію силлогизма; но была довольно простодушна по отношенію къ свидѣтельствамъ и голосамъ, рѣшающимъ что либо не подходящее къ ея прямому знанію: тутъ часто первое вычитанное слово, принадлежащее темному

¹⁾ Объясняетъ схоластическій богословъ строеніе міра, созданнаго Богомъ, и его слушатели узнаютъ отъ него, что весь видимый міръ состоитъ изъ двухъ естествъ: естества небесъ и естества стихійнаго, что небесъ три: эмпирейское, кристальное и твердь; эмпирейское—престолъ всемогущаго Бога и не движется подобно другимъ небесамъ, кристальное имѣетъ два круга: первый—небо перподвижное, движущееся съ неизреченною скоростію и движущее прочія небеса отъ востока на западъ; второй—небо просто кристальное или водное, имѣющее прозрачную свѣтлость; твердь—небо, содержащее звѣзды и планеты и раздѣляющееся на восемь круговъ. Эти небеса раздѣляются между собою водою, по слову бытописателя: *и сотвори Богъ твердь, и разлучи Богъ между воюю, яже бѣ подъ твердію, и посреди воды, яже бѣ надъ твердію*. Они имѣютъ двѣнадцать зодій или звѣринцевъ (знаковъ зодіака); когда движутся круги небесныя, отъ вышнихъ тѣлесъ въ нижнія наплываетъ движущая чувствующая сила. Эмпирейское небо—престолъ всемогущаго Бога—больше всего на свѣтѣ: оно имѣетъ въ себѣ 10314 темъ, 85710 миль протяженія... Переходя отъ небесъ къ землѣ, система разсчитываетъ, сколько верстъ разстояніи отъ земли до луны, отъ луны до ермія, отъ ермія до афродиты... и сколько отъ земли до звѣзднаго неба. Самая земля—кентръ всего міра, трусами терзается отъ внутрь замкненныхъ духовъ, недвижима основаніемъ, не основана на воздухѣ, какъ думаютъ нѣкоторые; отъ кентра земли до верха земнаго, по мнѣнію однихъ, до 4000 италійскихъ миль протяженія, а по запискѣ Діонисіодора, положенной въ его гробѣ, до 42,000 стадій. Отъ кентра же земли до эмпирейскаго неба, еслибы кому нибудь идти каждый часъ по 80 миль, то нельзя достигнуть и въ 50,000 лѣтъ; отъ земли до тверди небесныя считаютъ до 80 темъ миль, столько же отъ низу тверди до верха ея. Вѣнецъ вѣры. Симеона Полоцкаго. Гл. V, разсужд. 7.

лицу, становилось удовлетворительнымъ рѣшеніемъ запутаннаго, многосложнаго вопроса.

Это простодушіе мысли проявлялось не только тогда, когда богословіе трактовало о предметахъ естественныхъ или астрономическихъ знаній. Схоластика не знала мѣры и предѣла въ раскрытіи и уясненіи положительнаго ученія церкви: послѣ утвержденія извѣстнаго, она любила переходить къ неизвѣстному. Молодая мысль, не извѣдавшая всей тяжести опыта, вѣрящая въ саму себя, нерѣдко увлекалась игривыми мечтами воображенія, и охотно отдавала себя въ его волю. Увлекаемая имъ, она нерѣдко входила въ страну фантастическаго сумрака, гдѣ кончается всякое точное знаніе, гдѣ невидно яснаго очертанія предметовъ. А ей, подсказываются здѣсь смѣлые и рѣшительные отвѣты, и она, не имѣя силы провѣрить ихъ, выдаетъ ихъ за послѣднее слово науки. При такомъ стремленіи мысли, ей особенно нравились таинственные пункты христіанской догматики. Ее интересовала на примѣръ особенно послѣдняя судьба человѣка и всего міра. Объ этомъ предметѣ мало открыто намъ въ Библіи и положительномъ ученіи церкви, а старыя системы наши такими яркими и крупными чертами живописали его во всѣхъ подробностяхъ, что обширные трактаты о немъ, при всей сухости изложенія, такъ и просятся въ область эпической поэзіи. И въ другихъ предметахъ, по видимому ясныхъ, схоластическая мысль умѣла находить таинственные уголки и тамъ на свободѣ предаваться размышленіямъ. Намъ ясно передана на примѣръ исторія благовѣщенія и рождества Спасителя; но отъ ясныхъ пунктовъ мысль тотчасъ же бѣжитъ къ неяснымъ, и рѣшаетъ вопросы о томъ, изъ какого чина архангелъ Гавріиль, послужившій тайнѣ воплощенія, для чего Іисусъ Христосъ родился въ декабрѣ, въ какой день недѣли и въ какой часъ дня было благовѣщеніе и рожденіе Христа Спа-

сителя, могъ ли Иисусъ Христосъ говорить и ходить тотчасъ по рожденіи, зачѣмъ Онъ только трехъ царей языческихъ со дары захотѣлъ привлечь къ себѣ. При рѣчи о воскресеніи Христовѣ опять уточненные вопросы о томъ, всю ли кровь свою воспріялъ Иисусъ Христосъ въ прославленное тѣло, не осталось ли какой части ея на землѣ, всѣ ли волосы, истерзанные и разверженные во время страсти, возвращены Его головѣ. Говоритъ наука о распятіи Спасителя,—ее интересуетъ сказаніе о происхожденіи тѣхъ деревъ, изъ которыхъ сдѣланъ крестъ Христовъ, и на сцену выдвигается апокрифическая исторія этихъ деревъ, рассказывающая судьбу ихъ отъ Адама и до Иисуса Христа. При рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, нельзя было полагаться на вѣрныя основанія; тутъ мысль ловила все, мало-мальски подходящее къ ея предмету и вопросу. Такимъ образомъ на поприщѣ схоластической науки, рядомъ съ чистымъ сѣменемъ положительной вѣры, возникали и разрастались сорные травы. И послѣдующему времени, при болѣе зрѣлой критикѣ, предстоялъ трудъ очищенія системы богословской отъ сорныхъ травъ, излишнихъ вопросовъ и гадательныхъ не достовѣрныхъ отвѣтовъ на нихъ.

Наука въ старой кievской школѣ, построенная по схоластическому образцу, не была совершенствомъ, но она была великою силою, воспитавшею и укрѣпившею нашу мысль: дѣйствіе ея становилось ощутительно всѣмъ сферамъ жизни, съ которыми она соприкасалась. И на сѣверѣ Россіи, отдаленномъ отъ борьбы, выдерживаемой югомъ, увидали ея значеніе, и потому она призвана была туда, для облегченія труда лежавшаго на представителяхъ церкви, и явилась тамъ съ готовыми системами и утвержденными программами и методами. При содѣйствіи воспитанниковъ кievской школы, въ Москвѣ и ея окрестностяхъ началось безостановочное движеніе науки, при которомъ она очищалась и укрѣплялась внутри,

распространялась въ ширину, и приобщала къ себѣ для работы большую и большую массу людей.

Но прежде чѣмъ началось это движеніе, прежде чѣмъ укоренилась на сѣверѣ кievская наука, духъ народный выказалъ необычайную осторожность и подвергъ большому испытанію доброкачественность пересаживаемой науки со стороны ея православія. Сѣверъ Россіи, не понуждаемый внѣшнею опасностію для православія, повинуваясь щекотливому чувству національности, ревниво оберегавшему святыню вѣры, долгое время оставлялъ безъ удовольствленія сознанныю потребность научнаго образованія, боясь заимствованій отъ образованныхъ иновѣрцевъ; здѣсь долгое время пробавлялись непосредственною вѣрою безъ науки. Если являлась мысль объ учрежденіи высшей школы съ иностранными профессорами, тотчасъ же поднимался противъ нея голосъ охранительнаго чувства, боявшася за цѣлость своей святыни. Если настанетъ разпопозичіе (говорили царю Борису по поводу его намѣренія основать университетъ), то поселится разновѣріе и прежнее согласіе исчезнетъ ¹⁾. Лучшимъ средствомъ для сохраненія вѣры считались внѣшнія преграды, т. е., удаленіе отъ общенія съ иновѣрцами. Обычная здѣсь осторожность простиралась до того, что въ Россіи косыми глазами смотрѣли на своихъ соотечественниковъ, если они возвращались изъ чужихъ краевъ, и часто подвергали такихъ нарочитому испытанію: такъ наприимѣръ послѣ шведскихъ войнъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, русскихъ изъ шведской стороны пропускали не иначе, какъ напередъ изслѣдовавши, не приняли ли они чего отъ лютеранъ, а въ новгородскую софійскую церковь вовсе не допускали, хотя бы они ничѣмъ не измѣнили родной вѣрѣ. Но долго такимъ образомъ жить было нельзя. Гражданскія нужды нашего отечества заставляли наше правительство искать

¹⁾ Ист. р. церкви, Фил. ч. IV, 103.

помощи у сосѣдей и звать чужихъ людей къ себѣ на службу. Къ тому же сильно стала заявлять себя внутренняя немощь русской мысли. Неясность представленія вѣры, неисправности въ церковно-богослужебныхъ книгахъ требовали умственныхъ рабочихъ силъ, а ихъ не было; за дѣло исправленія книгъ и очищенія темнаго сознанія брались люди, не знающіе ни православія, ни кривославія. Между тѣмъ на верху общества стали являться лица, вкусившія мудрости и цѣнившія ее. Отъ восточныхъ святителей слышался голосъ, въ недостаткѣ училищъ указывавшій начало болѣзни русской церкви и убѣждавшій народъ полюбить мудрость, царя заводить училища греческія и латинскія, спудеовъ умножать, окружать попеченіями учителей, пастырѣй церкви содѣйствовать этому дѣлу доходами съ имѣній церковныхъ.

Тогда-то призвана была наука изъ Кіева въ Москву. Въ два поколѣнія совершилось насажденіе науки на сѣверѣ Россіи южно-русскими учеными. Во главѣ перваго на ученомъ поприщѣ стояли Епифаній Славинецкій и Симеонъ Ситіановичъ Полоцкій, во главѣ втораго Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Послѣдніе являются въ сѣверной Россіи людьми общественными, своими, и занимаютъ высшія мѣста въ русской іерархіи. Но первые были людьми пришлыми, явились въ Москву по частному призыву, заняты были литературно-образовательными трудами и были удалены отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ церковнаго правленія, хотя учеными силами ихъ пользовались въ разныхъ случаяхъ власть церковная и дворъ московскій. Не смотря на покровительство высшихъ лицъ призваннымъ ученымъ, народъ испытующимъ взглядомъ слѣдилъ за словами и мыслями людей, получившихъ образованіе въ школахъ, устроенныхъ по западному образцу и руководствовавшихся латинскими книгами, притомъ пришедшихъ изъ такой страны, гдѣ сильна была

пропаганда католичества. Епифаній Славинецкій, человекъ кабинетный, труженикъ мысли и книги, чувствовавшій себя довольнымъ среди уединенныхъ работъ перевода и исправленія книгъ, не возбуждалъ противъ себя подозрительности ревниваго чувства. Но когда стало заявлять себя широкое вліяніе Симеона Полоцкаго, человека не столько ученаго, сколько общественнаго дѣятеля и талантливаго, плодовитаго писателя, на Москвѣ поднялся глухой ропотъ, и во время жизни Полоцкаго этотъ ропотъ сдерживался только тѣмъ покровительствомъ, какимъ пользовался Полоцкій у царя, своего воспитанника. Къ его сочиненіямъ тщательно присматривались, отыскивая въ нихъ латинскую заразу. И лишь только не стало Полоцкаго, лишь только прекратилось покровительство царскаго двора бойкому представителю латинской науки, глухой ропотъ недовѣрія превратился въ открытое нападеніе, въ которомъ выразилась вся сила самосохраненія, заключенная въ чувствахъ вѣры русскаго народа. Памятникомъ этого служатъ: соборъ 1690 года и довольно богатая литература по одному незначительному вопросу—о времени пресуществленія святыхъ даровъ въ евхаристіи. Какъ ни малъ этотъ вопросъ, но онъ произвелъ довольно значительное волненіе. Въ то время, по Остену, и духовные и свѣтскіе муки и жены и дѣти въ собраніяхъ, бесѣдахъ, на торжищахъ, во всякомъ мѣстѣ, благовременно и безвременно, всѣ начали разсуждать, како пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову, и въ кое время, и кѣими словесы. Общественное вниманіе къ частному вопросу показываетъ напряженную бдительность національнаго чувства, охранявшаго православіе. Лишь только подмѣтило оно обмолвку у пришлыхъ насадителей науки, движеніе охватило всѣ слои общества, и въ одномъ небольшомъ пунктѣ сосредоточилась борьба противъ нападенія, грозившаго заразить православіе примѣсью латинскихъ

недомысловъ. Соборъ 1690 года, бывшій заключеніемъ этого движенія, есть не что иное какъ оффиціальное и торжественное выраженіе русскаго охранительнаго сознанія. Не одинъ спорный пунктъ онъ подвергаетъ своему обсужденію; по поводу неправославнаго толкованія этого пункта, онъ хочетъ оградить православіе Москвы отъ латинскихъ новомышленій, въ томъ опасеніи, что нельзя быть искреннимъ сыномъ православной церкви учившемуся только латински безъ греческаго; потому осуждаетъ всѣ видныя сочиненія, написанныя представителями латинскаго образованія: *Випнецъ вѣры* потому, что сплетенъ изъ вымышленій Скотовыхъ, Аквиновыхъ, Ансельмовыхъ и тѣмъ подобныхъ еретическихъ блядословій, что въ немъ вложенъ нѣкій символъ, названный апостольскій, у латинянъ токмо проповѣдуемый, восточною же святою церковію отъ начала вѣры во Христа Бога донынѣ, отнюдь не знаемый; *книгу Псалтирь* Полоцкаго, что собрана отъ польскихъ книгъ и переведена отъ нѣкогого Яна Кохановскаго, латинина суца; *Ободъ и Вечерю душевную* за нѣкія латинскія ереси, въ нихъ разсѣяныя. Единоплеменикамъ Полоцкаго, въ особенности Сильвестру Медвѣдеву, даровитѣйшему изъ нихъ, назначено было церковное покаяніе, и они должны были представить покаянное отреченіе отъ ереси, въ которомъ они сознавались, что если писали душегубительныя, обманныя слова, то это произошло отъ книгъ кievскихъ, отъ прелести латинскія, еже кievскія новыя книги утверждаютъ ¹⁾).

Такимъ образомъ Москва, казалось, навсегда отвергала кievскую схоластическую науку: она отказывалась отъ нея потому, что усмотрѣла у кievскихъ ученыхъ новотворныя ученія, заимствованныя у латинянъ. Боязнь преувеличивала

¹⁾ Остенъ, напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1865 г. Кн. 1. Эпоха 1865 г. кн. 1. ст. «кievскіе ученіе въ Великороссіи».

опасенія въ настоящемъ случаѣ. Но исторія чтитъ тѣ побужденія, какими руководилось при этихъ опасеніяхъ русское чувство. Оно звало къ себѣ науку, но при этомъ заботливо старалось устранить всѣ соблазны для чистоты вѣры, какіе чрезъ нее могли проникнуть къ намъ. вмѣсто ученыхъ малороссовъ, заподозрѣнныхъ въ шаткости мысли, въ школу призваны были греки Лихуды, но и у нихъ не замѣтили крѣпости добрыхъ нравовъ, и они должны были оставить законоспаскую школу, прежде чѣмъ успѣли преподавать въ ней курсъ богословія. Находились свои люди, владѣющіе наукою; но ихъ было мало для утвержденія и распространенія христіанскаго просвѣщенія.

Послѣ успокоенія волненій, возбужденныхъ обмолвками кіевскихъ ученыхъ, опять нужда заставила обратиться къ нимъ за помощію. Поворотъ къ этому сдѣлалъ самъ преобразователь Россіи, Петръ. «Ставятся (говорилъ онъ какъ-то патріарху Адріану) у насъ священники малограмотные, святыхъ таинствъ не разумѣющіе. Надобно бы ихъ учить, чтобы они могли вразумлять православный народъ и просвѣщать иновѣрцевъ, не вѣдущихъ Господа. Для того хотя бы въ Кіевъ послать нѣсколько десятковъ въ тамошнія школы для обученія. Есть у насъ своя школа, да мало въ ней пользы. Надо бы поручить ее человѣку знатному, съ именемъ, съ вѣсомъ» ¹⁾. Этотъ знатный человѣкъ явился въ Москву въ 1700 году, бывъ посланъ туда митр. кіевскимъ Варлаамомъ Ясинскимъ съ просьбою къ патріарху Адріану объ открытіи переяславской епархіи: это былъ игуменъ Стефанъ Яворскій. 7 іюля 1701 года Яворскій сказалъ въ присутствіи Петра надгробное слово надъ Шеинымъ, и Петръ рѣшился не отпустить обратно въ Кіевъ этого игумена, а сдѣлалъ его про-

¹⁾ Устрялова Ист. Петра Великаго т. III, приложение VII, № 45 стр. 511—12.

текторомъ московской академіи и уполномочилъ его завести въ академіи ученія латинскія. И вотъ кіевская наука уже безпрепятственно водворяется въ Москвѣ. Кіевскіе воспитанники занимаютъ главныя епископскія кафедры, заводятъ семинаріи, и школа, основываемая въ сѣверо-восточной Россіи, вездѣ получаетъ одинъ видъ, и въ Москвѣ и въ Ростовѣ, и въ Новгородѣ и въ Астрахани и другихъ мѣстахъ.

Видъ, въ какомъ распространялась и утверждалась въ Россіи богословская наука чрезъ школы, устрояемыя кіевскими воспитанниками, былъ наслѣдіемъ схоластической эпохи. Ея программа по прежнему обнимала теоретическую часть богословія и на ней сосредоточивала всѣ заботы учащихся и учащихся. Источники христіанскаго вѣроученія и исторія церкви, какъ и прежде, не возбуждали къ себѣ большаго вниманія. Между тѣмъ не въ первой, мало выработанной, редакціи перешла на сѣверъ богословская система кіевской школы. Благодаря въ особенности трудамъ Оеофана Прокоповича, вносившаго свѣтлый умъ свой во всѣ науки, какія только возлагались на него въ теченіе его служенія школъ, она очистилась отъ схоластическаго мусора и усовершилась много въ сравненіи съ трудами прежнихъ временъ, оставивъ далеко позади себя и Зерцало богословія и Вѣнецъ вѣры и тѣ рукописныя системы, по какимъ изучали науку вѣры въ кіевской школѣ въ XVII вѣкѣ. Такъ называемая сторона пытливаго вѣдѣнія, заходящаго за предѣлы положительнаго догмата, уже не занимала по прежнему мысль преподавателей: въ системахъ, появившихся въ XVIII вѣкѣ, нѣтъ пестрой смѣси мимоходомъ набранныхъ зыбкихъ свѣдѣній о зодіакахъ и кругахъ земныхъ и небесныхъ и тому подобныхъ вещахъ... Если состязательная часть еще стоитъ въ нихъ на виду, и возраженія не малою толпою выступаютъ за доказательствами истины того или другаго положенія въ наукѣ, то между этими

возраженіями не видно такихъ мелочныхъ и курьезныхъ, какія могли тѣшить наивную мысль. Въ самомъ подборѣ доказательствъ мы видимъ больше разборчивости и основательности: рядомъ съ текстами писанія и свидѣтельствами отцовъ не ставятся на одну ногу выраженія языческихъ поэтовъ и философовъ; и въ изъясненія догматовъ не вносятся страницы изъ апокрифическихъ книгъ, рисующія или послѣднія судьбы міра или тайны божественнаго домостроительства или время дѣйствія Господня, о которомъ почти ничего не говоритъ евангеліе.

Дѣло очищенія и усовершенствованія школьной системы шло безостановочно; потому что по заведенному порядку какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Москвѣ, каждый преподаватель долженъ былъ составлять свои записки по богословію, и преемники пользовались трудами своихъ предшественниковъ, хотя руководства, ими составляемыя, большею частію хранились въ рукописяхъ. Въ кіевской академіи послѣ Теофана Прокоповича уясненію богословскаго сознанія особенно способствовали Сильвестръ Кулябка (1744—45) и Георгій Конисскій (1758); въ московской—послѣ Теофилакта Лопатинскаго (1706) Кирилль Флоринскій и Гавріиль Петровъ. Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, для большаго порядка и единообразія въ преподаваніи, вводятся печатные учебники, и во главѣ ихъ руководственною книгою поставлена полная и обстоятельная система догматическаго богословія Теофана Прокоповича, изданная Самуиломъ Миславскимъ (1782). Съ большимъ удобствомъ приспособлена къ употребленію въ школахъ въ качествѣ учебника строгая и послѣдовательная система Теофилакта Горскаго, читанная имъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ московской академіи, составленная на основаніи уроковъ Прокоповича и нѣкоторыхъ другихъ прежнихъ преподавателей и обнимающая какъ догматическое, такъ и нравственное богословіе. Составители руководствъ

пользовались не одними католическими богословами, но и протестантскими, между которыми заслуживали особеннаго вниманія Герардъ и Буддей, извѣстные не только ученостію, но и своею оппозиціею сухой схоластикѣ.

Между всѣми дѣятелями духовной науки прошедшаго столѣтія выдается, послѣ Оеофана Прокоповича, свѣтлымъ взглядомъ и силою просвѣтительнаго вліянія митрополитъ Платонъ. Въ немъ слышится новый духъ, предназначающій дѣятельность нашего столѣтія. Требованія схоластики, которымъ платили дань его предшественники и современники, не удовлетворяли его, и онъ далъ сильный толчокъ духовному образованію. Подъ его вліяніемъ русскій языкъ въ первый разъ получилъ право быть органомъ духовной науки и слышался на кафедрахъ и диспутахъ. Онъ же представилъ первый опытъ богословской системы на русскомъ языкѣ въ своей *Христіанской Богословіи*, уклонявшейся отъ обычныхъ формъ школьнаго изложенія системъ. Живое чувство національности, имъ руководившее, побудило его написать первую исторію русской церкви. Его широкій взглядъ содѣйствовалъ расширенію программы наукъ, читавшихся въ духовной школѣ. Неодобрительно смотря на разныя системы богословскія, преподаваемые въ школахъ, пахнувшія, по словамъ Платона, мудрованіемъ человѣческимъ, онъ совѣтовалъ обращать особенное вниманіе на изученіе свяд. Писанія, которое и введено было при немъ въ кругъ ежедневнаго чтенія въ богословскомъ классѣ съ истолкованіемъ по порядку текстовъ. Дѣятельность его приготовила и вызвала указъ сѣнода 1798 года, которымъ предписывалось читать въ духовныхъ высшихъ школахъ довольно полный курсъ богословія, обнимающій краткую церковную исторію, герменевтику, систему догматико-полемической и нравственной богословіи, священное Писаніе, Кормчю и о должностяхъ приходскихъ

священниковъ. Это было заключеніемъ стараго періода и уже вызывало новую дѣятельность, которая началась съ преобразованіемъ духовныхъ заведеній въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Отмѣчая успѣхи богословской науки въ школахъ прошлаго столѣтія, мы не можемъ указать значительнаго распространенія ея въ жизни, даже въ кругахъ духовныхъ лицъ. Обыкновенно ею владѣли люди высшихъ слоевъ въ духовенствѣ; но большинство священниковъ въ селахъ знакомы были только съ первыми началами образованія и въ своемъ служеніи руководились духомъ благочестія и чувствомъ вѣры. Школы для приготовленія достойныхъ пастырей церкви постепенно заводимы были во всѣхъ центрахъ епархіального управленія. Среди нуждъ и лишеній велась въ нихъ учебная работа. Школы благоустроенныхъ и владѣвшихъ всегда болѣе или менѣе сильными преподавателями было немного,—въ Кіевѣ, въ Москвѣ славяно-греко-латинская академія и потомъ троицкая семинарія, да и только. Отсюда на всю Россію расходились ученые представители богословской науки. Но и изъ нихъ, при недостаткѣ образованныхъ людей въ свѣтскомъ обществѣ, многіе отвлекались отъ служенія церкви и богословской наукѣ и призывались на служеніе обществу на другихъ поприщахъ дѣятельности. Между тѣмъ наука стала уже твердою ногою на своемъ мѣстѣ, и для удовлетворенія общихъ нуждъ церкви всегда находились испытанные дѣтели, сильные просвѣщеннымъ умомъ и владѣвшіе краснорѣчивымъ словомъ. Рядъ блестящихъ именъ въ исторіи просвѣщенія XVIII вѣка открывается именами Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича, и заключается именемъ Платона. Это силы, равныя развитымъ силамъ западнаго богословія, и онѣ могли нести на себѣ самыя тяжелыя задачи времени.

А задачи времени очень усложнились противъ прежняго для дѣтелей богословской науки и требовали отъ нихъ болѣе

напряженной и осмотрительной дѣятельности. Охранительный инстинктъ русской мысли, бывшій опорою нашего богословія, въ массѣ, жившей вѣрою и чуждавшейся школьнаго образованія, сошелъ съ того краснаго пути, на которомъ дорога была его служба церкви и исторіи. При сильномъ историческомъ движеніи, начинавшемъ колебать устоявшуюся русскую жизнь, онъ упорно заключился въ самого себя, и боязливымъ отрицаніемъ отвѣчалъ тѣмъ силамъ, какія просили у него мѣста въ исторіи. Живя по старинѣ, онъ узаконилъ тѣ не-исправности, какія по ошибкамъ невѣдѣнія или случайно попали въ наши книги церковныя и въ наши обыденныя представленія. И когда тотъ же инстинктъ въ лицѣ просвѣщенныхъ людей вызвалъ исправленіе вкравшихся ошибокъ, чувство вѣры, не освѣщенное яснымъ знаніемъ, возстало противъ этихъ исправленій, какъ противъ незаконныхъ новшествъ, подрывающихъ цѣлость церковнаго наслѣдія, и въ явленіи раскола предстало предъ глазами дѣятелей богословской мысли настоящее побужденіе къ уясненію свѣтомъ науки темнаго чувства вѣры, и въ тоже время громкое предостереженіе противъ увлеченій чужою заемною ученостію, въ ущербъ чистотѣ православія.

Такія заботы завѣщаны были XVIII вѣку еще его предшественникомъ. Съ открытіемъ XVIII вѣка, по случаю крутаго поворота Россіи къ Западу, явились новыя заботы для русской богословствующей мысли. Воля преобразователя, желавшая разомъ пересадить въ наше отечество усиѣхи и плоды европейской гражданственности, поставила русское общество предъ міромъ новыхъ идей и представленій, и призвала на службу государству много людей чужаго вѣроисповѣданія. При сближеніяхъ съ Европою, происшедшихъ въ слѣдствіе реформы, волею и неволею распространялись въ русскомъ обществѣ мнѣнія, несогласныя съ православіемъ. Православное богосло-

віе не могло не усилить всей своей внимательности къ ходу событій, когда церковь, бывшая главною просвѣтительницею нашего отечества, теперь увидѣла рядомъ съ собою новаго дѣятеля въ заносной свѣтской цивилизаціи, которая, имѣя корень въ чужихъ нравахъ, не во всемъ согласовалась съ требованіями православныхъ преданій. Прошлый вѣкъ притомъ не былъ вѣкомъ покорнымъ вѣрѣ и церкви христіанской. Въ лицѣ деизма человѣческая мысль хотѣла сбросить съ себя руководство откровенной религіи. Чрезъ французскую литературу такое направленіе сдѣлалось популярнымъ въ высшихъ слояхъ западнаго общества, и оттуда анти-христіанскія идеи проторглись и въ наше отечество.

Въ виду трудныхъ задачъ, выставленныхъ временемъ, наше богословіе должно было расширить свою дѣятельность, и передовые представители его, охраняя цѣлость вѣры, успѣвали являться во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ, угрожающихъ православію.

Ихъ смущала болѣзнь русской церкви, извѣстная подъ именемъ раскола, и всѣ лучшіе выразители нашего религіознаго самосознанія (св. Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, Теофилактъ Лопатинскій, Питиримъ, Арсеній Мацѣвичъ, Платонъ) дѣйствовали на вразумленіе упорствующихъ. Они видѣли добрый источникъ, изъ котораго вытекала самоотверженная привязанность народа ко всѣмъ мелочамъ, имѣющимъ отношеніе къ вѣрѣ православной, но скорбѣли объ искаженномъ проявленіи истиннаго благочестія. Мелкіе и незначительные вопросы занимаютъ русскую богословствующую мысль: она разсуждаетъ о брандобритіи, о хожденіи посолонь, о сложеніи крестнаго знаменія, о такомъ или другомъ произношеніи словъ употребительныхъ въ церкви, о томъ, можно ли спастись по новымъ книгамъ, и не явился ли уже антихристъ въ представителяхъ церкви, пред-

писывавшихъ служить по новымъ, а не по старымъ книгамъ. Существенное содержаніе христіанства не разъясняется при разсужденіяхъ о такихъ предметахъ, и человекъ сторонній русскому чувству не можетъ интересоваться подобными сужденіями съ отвлеченной точки зрѣнія. Но для насъ они имѣли не менѣе жизненнаго значенія, какъ для грековъ вопросъ о рожденномъ и нерожденномъ, о единосущи и подобосущи Сына съ Отцомъ, такъ какъ они вытека и изъ сердца русскаго народно-религіознаго духа. Угоряли нашу старую богословскую полемику въ томъ, что она изъ обрядоваго вопроса дѣлала вопросъ догматическій и подвергала отлученію отъ церкви расходившихся съ нею въ обрядахъ. Но богословская мысль встрѣчалась здѣсь не съ отвлеченными частностями, а съ духомъ противленія, подрывавшимъ значеніе церкви, и не она отталкивала разнствующихъ въ обрядахъ отъ церкви, а сами они убѣгали отъ нея, съ бранью и поношеніями, изъ опасенія соблазна и оскверненія въ общеніи съ нею. Не удивительно при этомъ, если въ отвѣтъ незаслуженнымъ и бранчивымъ нареканіямъ отъ защитниковъ правоты церковной слышались подъ-часъ жесткія и крутыя слова. Успѣхъ въ убѣжденіи разномыслящихъ долгое время не соотвѣтствовалъ оиданіямъ обличителей раскола,—и это не отъ того, что мало было разумныхъ ревнителей вразумленія, а отъ того, что большинство отпадныхъ отъ церкви не хотѣло слушать никакихъ вразумленій, слѣпо вѣруя въ своихъ вождей и расколуучителей: они жили преданіями, а не разумною вѣрою, и не допускали никакой критики по отношенію къ частностямъ, освященнымъ обычаями отцовъ. Но слово разума, какъ капля, пробивало камень, и послѣ частныхъ обращеній церковъ утѣшена была явленіемъ единовѣрія. Единовѣріе было послѣднимъ словомъ, до котораго въ прошедшемъ столѣтіи договорилось русское слово въ препирательствѣ съ расколомъ

Другая задача обращала русскую богословствующую мысль къ движенію европейскихъ идей, и поставленная лицомъ къ лицу съ этими идеями, она хочетъ установить надлежащее къ нимъ отношеніе русскаго сознанія.

Исторія не упрекаетъ представителей русскаго богословія XVIII вѣка въ обскурантизмъ, въ непониманія выгодъ просвѣщенія, въ гоненіи на западную науку. Реформа Петра нашла въ нихъ лучшихъ пособниковъ себѣ. Между ними мы видимъ цѣлый рядъ глашатаевъ великихъ дѣлъ Петровыхъ: они проводили въ доступной имъ сферѣ стремленія, соотвѣтствовавшія видамъ преобразователя, объясняли его намѣренія народу и, сколько можно было, старались примирить его крутую волю съ неподатливымъ упорствомъ народа, цѣнившаго выше всего свою самостоятельность и древнія нажитыя привычки.

Но мы не въ этомъ поставляемъ главную честь нашего богословія въ годы реформы, а въ томъ, что оно, поставленное лицомъ къ лицу съ разными противоборствующими вліяніями, оказалось крѣпкимъ для отраженія ихъ. Призывая западную науку для улучшенія нашего внѣшняго быта, оно зорко слѣдитъ за тѣми идеями, какія входятъ въ наше отечество впереди и позади служителей реформы. Инославныя христіанскія исповѣданія въ первый разъ непосредственнымъ образомъ приражаются своими отличіями русскому православному сознанію. И русская богословская наука съ энергіею идетъ на встрѣчу чужимъ вліяніямъ, и предъ мыслию, волнуемою вѣяніями духа, шедшаго съ Запада, старается утвердить правоту и силу своего исповѣданія.

Камень вѣры былъ первымъ честнымъ состязаніемъ нашего богословія съ богословіемъ протестантскимъ, состязаніемъ, предпринятымъ для охраненія православнаго общества отъ увлеченія наносными идеями. Сила книги почувствова-

лась сразу, и протестантскій міръ не мало былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы ослабить впечатлѣніе, произведенное русскою книгою, показывавшею несостоятельность протестантскихъ вѣрованій. Она явилась тогда, когда, по словамъ Димитрія Сѣченова (въ присутствіи императрицы Елизаветы привѣтствовавшего новый благопріятный для русской церкви оборотъ общественныхъ дѣлъ) «мнози малодушніи чада на мать свою возставали, догматы христіанскіе ни во что поставили, ходатаицу спасенія нашего на помощь не призывали»¹⁾, и была опорой для русскаго сознанія и долгое время послѣ, при отраженіи наносныхъ вѣрованій.

Съ католическою пропагандою на сѣверѣ Россіи послѣ реформы Петровой не было такой горячей борьбы, какая велась на югѣ въ XVII и XVIII вѣкѣ. На сѣверѣ Россіи римско-католическія идеи не находили сочувствія, и православіе не имѣло здѣсь непосредственнаго столкновенія съ поборниками римскихъ стремленій. Но въ наукѣ продолжались старыя, нажитыя въ Кіевѣ, преданія, не позволявшія нашимъ богословамъ жертвовать своею святынею въ пользу внѣшняго великолѣпія и видимой стройности папской системы. Въ средѣ богослововъ являлись люди, хранившіе въ сердцѣ сильныя антипатіи къ духу свѣтскаго преобладанія, проникающему весь организмъ папства, при сознаніи произвольныхъ уклоненій его отъ узаконеній вселенской церкви. Такое отношеніе къ римскому католицизму мы видимъ въ главномъ помощникѣ Петра въ дѣлѣ реформы, получившемъ окончательное воспитаніе въ самомъ средоточіи папства, — Оеофанѣ Прокоповичѣ. Къ ясному взгляду его на дѣло, какъ показываютъ памятники его дѣятельности, присоединяется страстное нерасположеніе его ко всему, что напоминаетъ собою пап-

¹⁾ Слово Димитрія Сѣченова, сказ. 1742 г., 25 марта.

скія стремленія, нажитое его свободнымъ духомъ въ тѣ годы, когда онъ цѣною отреченія отъ своихъ убѣжденій долженъ былъ покупать у нихъ высшее образованіе. Это нерасположеніе ко всему папскому заправляло мыслию и волею Прокоповича, когда онъ чертилъ правила для устроенія русской церкви: въ его предначертаніяхъ много смѣлости, иногда не скромно зацѣвующей нажитые временемъ обычаи старины, и онъ безбоязненно выступалъ съ ними, потому что чувствовалъ за собою поддержку высшей воли, одобрявшей его убѣжденія. Многія изъ учреждений, проэктированныхъ Прокоповичемъ, вошли въ церковную жизнь нашу. Трудami его ученой богословской мысли пользовалось долгое послѣдующее время, то ставя ихъ въ руководство школамъ, то обращаясь къ нимъ за яснымъ и спланнымъ развитіемъ православной истины. Въ этомъ отношеніи онъ—вліятельнѣйшій изъ нашихъ богослововъ, создавшій цѣлое направленіе антикатолическое. Но усвоивъ его мысли, его послѣдователи не усвоили его смѣлаго и раздражительнаго духа, и болѣе спокойно относились къ тѣмъ предметамъ, которые вызвали въ немъ страстное порицаніе. Мы цѣнимъ высокій талантъ этого блестящаго русскаго богослова; цѣнили его и предки наши. Но при этомъ не на его сторонѣ было сочувствіе народнаго духа, а на сторонѣ другаго направленія, идущаго отъ Яворскаго и Лопатинскаго, людей, можетъ быть, менѣе блестящихъ талантомъ, но болѣе сильныхъ крѣпостію вѣры, и болѣе уважительно относившихся къ достоинству народной жизни. Народное чувство присуждало вѣнцы свои не таланту и блеску мысли, а направленію: своимъ судомъ оно давало чувствовать представителямъ богословской науки, что оно первѣе всего ждетъ отъ нихъ охраненія святости православія и съ этой точки зрѣнія смотреть на ихъ достоинство.

Въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка богословіе настоятельно вызвалось къ дѣйствию противъ того міровоззрѣнія, которое образовалось въ свѣтской наукѣ наперекоръ христіанскимъ началамъ и разшатывало религіозныя убѣжденія. У насъ это направленіе было только отголоскомъ чужихъ толковъ: оно не являлось у насъ съ оружіемъ учести, какъ на Западѣ, и вовсе не имѣло солиднаго вида; на всемъ его выраженіи былъ отпечатокъ легкой фельетонной бѣглости: оно слышалось въ устныхъ бесѣдахъ, пользовалось легкими литературными формами, но распространялось довольно широко, такъ что мысли, имъ навѣяныя, иногда невольно и безъ яснаго сознанія высказывали и люди добраго направленія. Люди вѣры тревожились такимъ положеніемъ дѣла, и богословская наука не оставляла его безъ вниманія: на дерзкія возраженія противъ темной пропаганды невѣрія она направляла ¹⁾ переводы благонамѣренныхъ иностранныхъ сочиненій и свои собственныя расужденія, представляла слово предостереженія и укрѣпленія вѣры съ церковной кафедрѣ, къ которому при удобномъ случаѣ склонялись лучшіе проповѣдники вѣка: Платонъ, Анастасій Братановскій, Амвросій Зертисъ-Каменскій и другіе. Въѣсть съ тѣмъ при систематическомъ изложеніи вѣры въ школѣ она усиливала тѣ трактаты, которые направлялись противъ господствующихъ заблужденій ²⁾. Но она не входила въ подробную ученую полемику

¹⁾ *Средство противъ безвѣрія и безбожія*, перев. съ французскаго Анастасіемъ Братановскимъ; *Торжество нашей вѣры надъ невѣрующими и волюндоумцами*, Иринея псковскаго, 1792; *Разсужденіе о божественности христіанскаго ученія*, изд. Θεокτισтомъ; Гроціево сочиненіе противъ атеистовъ и натуралистовъ, переведенное Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ 1765, и проч.

²⁾ Въ системѣ 1762, читанной въ московской академіи Гавріиломъ Петровымъ, есть трактатъ о томъ: достаточно ли богословіе естественное для спасенія? (Ист. моск. акад. С. Смирнова, стр. 156).

скія общества и заставлялъ людей заботиться о переложении на общепонятный языкъ и распространении книгъ св. Писанія, въ видахъ просвѣщенія массы народа христіанскою священою истиною.

Нашего слова ждетъ послѣдній, только что пройденный, періодъ богословской науки, начатый послѣ составленія проектовъ преобразованія духовной школы въ первомъ десятилѣтїи нашего вѣка. У всѣхъ предъ глазами его богатство и слабости. Всѣ мы чувствуемъ, что въ теченїи его тверже стало религіозное сознание наше, и смѣлѣе стали научные приемы. Между тѣмъ лучшіе представители нашей науки, вышедшіе изъ школы образованной составителями стараго устава, сознають, что духовная школа мало доселѣ представила самостоятельныхъ твореній и бѣдна спеціальными изслѣдованіями.

Не входя въ споръ съ такими признаніями, мы вспоминаемъ не иначе, какъ съ глубокою благодарностію труды нынѣ заключаемаго времени.

Школа, созданная нынѣ измѣняемымъ уставомъ для воздѣлыванія богословской науки и приготовленія достойныхъ пастырей церкви, прежде всего популяризировала науку и доставила церкви возможность замѣщать всѣ пастырскія мѣста людьми достаточнаго систематическаго богословскаго образованія, чего прежде не было. Прежде, когда духовная школа была учрежденіемъ епархіальнымъ, ея существованіе было подвержено случайностямъ и ея программа не была строго опредѣлена и утверждена жизнію; она видоизмѣняться могла не только отъ произвола лицъ, ее выполнявшихъ, но и отъ того, что часто школа не находила учителей для себя. Теперь школа сдѣлалась школою правильно организованною и обезопасенною отъ невыгодныхъ случайностей. Вліянія духовной науки стали ощутительны не только въ столицахъ и городахъ, но и деревняхъ и селахъ.

Уставъ, создавшій духовную школу въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала болѣе полвѣка, не только заботился о большомъ распространеніи богословскаго образованія,—онъ хотѣлъ поднять его качество и силу. Въ этихъ видахъ организованы были особыя высшія духовно-учебныя заведенія, куда поступали для слушанія лекцій уже прошедшіе средній курсъ. Наука богословская стала наукою университетскою, и ей предстояла лучшая разработка, болѣе широкое развитіе и ученая постройка. Для ускоренія движенія ученаго и учебнаго дѣла лучшія силы приглашены были къ участию въ учебныхъ трудахъ, и съ большими надеждами смотрѣли въ будущее свидѣтели основанія нашихъ академій.

Гуманныя знанія, въ значительномъ объемѣ допущенныя въ курсъ духовныхъ учебныхъ заведеній, должны были расширять горизонтъ мысли и укрѣплять сознаніе богослововъ, и молодые кандидаты богословія приступили къ изученію своей науки съ зрѣлою мыслию и съ твердою головою.

Педагогическая практика, наслѣдованная отъ прежнихъ временъ, высоко цѣнила формальное развитіе. Предназначая приобрѣтеніе обширныхъ свѣдѣній самостоятельной работѣ по выходѣ изъ школы, она хотѣла дать твердую и стройную выдержку мысли учащихся, и потому не отягощая памяти обширнымъ матеріаломъ знанія дрессировала разумъ, съ цѣлію сдѣлать его способнымъ къ ученой работѣ. При плодотворныхъ занятіяхъ отсюда выходили стойкіе, во всему готовые дѣятели, хотя и случалось, что вся сила человека испарялась въ логическомъ дилетантизмѣ и не оставляла по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ дѣятельности, важныхъ для историческаго движенія науки, если онъ не наполнялъ своего сознанія положительнымъ содержаніемъ.

Ученая богословская производительность нашихъ магистровъ не соответствовала тому высокому образованію, какое

съ раціонализмомъ, а довольствовалась частными отрывочными замѣчаніями противъ него. Мы не будемъ упрекать ее за то. Ученая полемика не соотвѣтствовала бы характеру русскаго фельетоннаго вольномыслія, и была бы оружіемъ не пригоднымъ къ цѣли.

Въ западныхъ странахъ противодѣйствіе раціонализму оказывалъ мистицизмъ, всегда усиливающійся тогда, когда одностороннее разсудочное направленіе стѣсняетъ потребности сердца, и когда увлеченіе земными интересами не даетъ мѣста для служенія духу. Въ концѣ XVIII вѣка этотъ мистицизмъ быстро распространялся и у насъ: къ нему склонялись и имъ увлекались и люди честныхъ убѣжденій, желавшіе поднять упавшій уровень нравственно-религіознаго сознанія, хотя, дѣйствуя на свой страхъ безъ уполномочія церкви, они не всегда водились чистымъ духомъ Христовымъ. Но у нихъ, по крайней мѣрѣ у лучшихъ изъ нихъ, была теплая привязанность къ православной вѣрѣ и церкви, такъ что покойный митрополитъ Платонъ, когда ему поручено было Екатериною испытать Новикова, главнаго изъ мистиковъ, со стороны его вѣрованій, по совѣсти и сану своему доносилъ императрицѣ, что онъ молить всещедрого Бога, чтобы не только въ словесной части, Богомъ ему ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были хрістіане таковыя, какъ Новиковъ. Тамъ, гдѣ мистики не мудрствовали о тройственной жизни и таинственныхъ мірахъ, гдѣ не замыкались въ непонятные символы и не запутывались въ темныхъ гаданіяхъ сновидѣній, тамъ они являлись симпатическими людьми, и у нихъ образовалась самая живая и дѣятельная оппозиція энциклопедическому направленію. «Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено ими, по словамъ одного изъ нихъ (Невзорова), адской водѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій». Говоря ихъ языкомъ, они чувствовали «состраданіе, слыша, что

люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода чело-вѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на про-стодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію воль-номысленныхъ мудрецовъ». Увлекаемые этимъ состраданіемъ, они остерегали русскій народъ «отъ тѣхъ высокихъ и вмѣстѣ низкихъ любомудровъ своего вѣка, которые прославляли истину, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ нашимъ, каковы бы онѣ ни были и куда бы ни стремились» ¹⁾, и для этого всякими путями старались распространять истинный свѣтъ знаній,—и устными бесѣдами въ обществѣ, въ особен-ности съ молодыми людьми, и школьными уроками, и путемъ журналистики, и печатаніемъ и распространеніемъ добрыхъ книгъ, какъ переводныхъ, такъ и самостоятельныхъ. Предста-вители богословской науки не увлекались выпренными затѣ-ями масонской мистики, не любили ея символическаго языка и обряда, ея привычки искать особаго таинственнаго смысла въ каждой мелочи; но они не могли не сочувствовать ея прав-ственно-религіознымъ стремленіямъ, и брали подъ свою за-щиту тѣ попытки, какими мистики хотѣли сразить вольно-думство. Не сообщая ясныхъ познаній о предметахъ вѣры, мистики поддерживали теплое религіозное настроеніе, и съ этой стороны сослужили не малую службу нашему обществу въ эпоху распространенія деистическихъ воззрѣній. Духъ теплаго благочестія, какимъ проникнуты были ихъ книги и изданія, былъ для нашего богословія очень желательною вещью, при той схоластической сухости, съ какою излагалась школь-ная латинская наука въ старые годы. Этотъ духъ теплаго благочестія изъ прошлаго перешелъ въ нынѣшнее столѣтіе: онъ обращалъ умы къ слову Божію, онъ основывалъ библей-

¹⁾ Предисловіе къ «Московскому изданію» 1781 года.

давали наши академіи. Мы даемъ цѣну тѣмъ объясненіямъ, которыя причину этого указывали въ томъ энциклопедизмѣ, какой призвала къ себѣ программа духовной школы для приданія большей основательности мысли богословской. Эта основательность достигалась духовною школою; но разнообразіе и обиліе изучаемыхъ предметовъ, поглощая собою вниманіе, не давало возможности сосредоточиться на чемъ нибудь одномъ молодой мысли, и не привязывало ея къ чему либо исключительно. Въ жизнь изъ школы рѣдко переходила любовь къ постоянному служенію одной какой либо отрасли знанія: люди всѣмъ интересовались, не однимъ богословскимъ знаніемъ, и потому въ области богословія не дѣлали того, чего можно было ожидать отъ нихъ при служеніи спеціальной наукѣ.

Богословская наука, въ школѣ нами воспоминаемой, выходила изъ того пункта, до котораго дошла она въ прошломъ столѣтіи. На первыхъ порахъ она скована была латинскимъ языкомъ и частию схоластическими формулами. Духъ свободы вѣялъ надъ этими формулами уже въ первые годы старой школы, и мертвый языкъ, не благопріятствовавшій живому движенію научной мысли, долженъ былъ уступать мѣсто новому органу выраженія, прямо взятому изъ жизни и ведущему въ жизнь результаты научной работы.

Когда сильная мысль призывается къ работѣ, ей трудно держаться на одной степени. Она несла впередъ предметъ свой, и при ея усиліяхъ исчезали въ наукѣ прежнія формулы и предначинались новые пути. Тихо и ровно возрастала духовная наука въ прошедшее пятидесятилѣтіе безъ шума и блеска, безъ поразительныхъ явленій. Но если съ высоты своего времени мы оглянемся назадъ, то увидимъ, какъ постепенно разцвѣтала духовная литература, умножая органы своей дѣятельности, расширяя тѣ вопросы, какими занято

публичное слово, представляя образцы сильного проповѣдническаго слова и обогащаясь зрѣлыми научными опытами.

Нагляднымъ выраженіемъ успѣшнаго движенія духовной науки въ протекшій періодъ можетъ служить духовная журналистика, въ своемъ развитіи и направленіи всегда довольно ясно показывающая строй и силу учено-общественной мысли. При открытіи школы по уставу, нынѣ заканчивающему свое дѣйствіе, не было ни одного повременнаго изданія, и богословскія книги на русскомъ языкѣ были почти рѣдкостію. Но лишь только новая школа стала входить въ силу, сразу почувствовалось усиленіе учено-литературныхъ интересовъ, и въ *Христіанскомъ Чтеніи*, по инициативѣ покойнаго митрополита Григорія, явился первый постоянный органъ духовной литературы, поставившій своею задачею удовлетвореніе потребности назидательнаго чтенія, ознакомленіе съ отеческими твореніями въ русскихъ переводахъ и разъясненіе предметовъ, входящихъ въ кругъ духовной науки. Русское общество почувствовало явленіе новой силы въ утвердившемся органѣ духовной журналистики, когда ознакомилось съ *Христіанскимъ Чтеніемъ*. Съ теченіемъ времени и въ другихъ центрахъ духовнаго просвѣщенія сказалась потребность изданія постоянного литературнаго органа, и въ Кіевѣ, по инициативѣ покойнаго Иннокентія (херсонскаго), явилось *Воскресное Чтеніе*, а въ Москвѣ *Творенія святыхъ отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія*. Воскресное Чтеніе, удовлетворяя интересу христіанскаго назиданія, доставляло много питательныхъ размышленій, показывавшихъ въ своихъ авторахъ большой литературный талантъ и вкусъ, а журналъ московскій служилъ цѣлямъ богословской учености, въ систематическомъ порядкѣ перевода лучшія отеческія творенія, открывая забытые памятники духовной литературы, входя въ обстоятельное изслѣдованіе научныхъ вопросовъ. Подобныя изданія отвѣчали

запросу публики, хотя не многочисленной: говоримъ такъ потому, что иные журналы (напримѣръ Воскресное Чтеніе) должны были нѣкоторые годы свои печатать другимъ изданіемъ.

Къ концу періода въ послѣднее десятилѣтіе вы видите въ духовной литературѣ особенное оживленіе. Воспитанныя школою силы приходятъ къ сознанію широкихъ религіозно-общественныхъ задачъ, созрѣвшихъ во времени, и чувствуютъ потребность сильнѣе прежняго заявить свой голосъ. Являются повременныя изданія не въ однихъ высшихъ центрахъ духовнаго просвѣщенія, но и въ центрахъ епархіальныхъ, второстепенныхъ. Свободныя лица группируютъ вокругъ себя пишущій людъ. И печатная рѣчь, серьезная, твердая, дѣловая, отвѣчающая на разнообразныя запросы, свидѣтельствуетъ о возвысившемся уровнѣ духовной образованности и о значительной широтѣ ея распространенія. Одни изъ журналовъ хотятъ вывести духовную науку изъ той замкнутости, въ какой она развивалась долгое время безъ замѣтнаго дѣйствія на другія сферы, и пробиваютъ пути сближенія между сою и между наукою и гражданственностію свѣтскою; другіе выдвигаютъ вопросы, какими занята духовная школа и мыслящее богословское общество, и представляютъ опыты ихъ ученой постановки и рѣшенія; третьи слѣдятъ за текущею измѣнчивостію временныхъ нуждъ церкви, духовнаго просвѣщенія и лицъ духовнаго служенія; четвертые заняты обнародованіемъ забытыхъ памятниковъ старины; пятые представляютъ обильный матеріалъ назидательнаго чтенія: во многихъ печатаются переводы Писанія на русское нарѣчіе и твореній отцовъ церкви греческихъ и латинскихъ. Мы не хотимъ характеризовать всѣхъ ихъ; довольно поименовать ихъ, чтобы указать на увеличившуюся жизнь и дѣятельность въ духовно-образовательныхъ сферахъ. Въ послѣдніе годы, кромѣ прежнихъ журналовъ, служили и частію служатъ духовной наукѣ и ли-

тературѣ: *Православный Собесѣдникъ*, *Православное Обзорѣніе*, *Труды Киевской Академіи*, *Духъ Христіанина*, *Духовный Вѣстникъ*, *Странникъ*, *Душеполезное Чтеніе*, *Руководство для сельскихъ пастырей* и многое множество епархіальныхъ вѣдомостей, отъ которыхъ съ благодарностію принимаетъ наука разработку мѣстныхъ историческихъ памятниковъ и характеристику явленій церковной жизни. Сравните же начало послѣдняго періода и его конецъ. Тамъ безмолвіе литературное и малая производительность; здѣсь разнообразная литературная жизнь, живой и дѣльный говоръ о разныхъ предметахъ, способствующій расширенію духовно-религіознаго сознанія читающей публики и развитію церковной жизни. Плоды школы очевидны и рекомендація ея не малая!

Малозамѣтная для міра западнаго, иновѣрнаго, наша богословская наука въ протекшее пятидесятилѣтіе обладала значительною силою притяженія, и къ ней обращались за наставленіями и разъясненіями тѣ единовѣрные народы Востока, отъ которыхъ мы сами прежде заимствовали вѣру, и которые нынѣ, при несчастныхъ политическихъ обстоятельствахъ своего отечества, не имѣютъ возможности вести широко дѣло научнаго образованія. Къ намъ пріѣзжали за богословскимъ образованіемъ сербы, болгаре и греки; наши лучшія богословскія сочиненія они переводили на свой языкъ, и пользовались ими для образовательныхъ цѣлей въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ Россія возвращала имъ то, что прежде они ввѣрили ей для храненія.

Есть нѣсколько крупныхъ именъ, характеризующихъ собою направленіе и силу богословской науки послѣдняго періода. Время такъ ново, что мы считаемъ почти излишнимъ называть ихъ, щадя притомъ скромность лицъ, еще живущихъ между нами. Не можемъ не упомянуть хотя нѣкоторыхъ, наиболѣе послужившихъ духовному просвѣщенію.

Полѣвка властвовалъ надъ духовенствомъ, школой и наукою своимъ авторитетомъ и влїяніемъ своихъ твореній покойный Филаретъ московскій. Его богатый умъ вмѣщаль въ себѣ все разнообразіе интересовъ, какіе связаны съ судьбою духовнаго просвѣщенія и богословской науки, а сильная и острая мысль умѣла указывать общимъ представленіемъ то, чего они искали. Ни одно явленіе литературное не обойдено было его вниманіемъ; всякій текучій вопросъ вызывалъ его сужденіе, которое, и не бывъ записано, расходилось въ кругахъ, интересовавшихся духовною наукою. А для болѣе существенныхъ и важныхъ запросовъ времени онъ давалъ сильныя мыслию писанія, какъ показываютъ *Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ*, направленные къ изобличенію западнаго иновѣрія, вторгавшагося въ высшее русское общество въ первой четверти нашего столѣтія, и *Бесѣды къ младолекому старообрядцу*. Духовной школѣ онъ служилъ спеціально въ первые годы по ея преобразованію. Во время этого служенія онъ въ *Обзорѣнїи богословскихъ наукъ, въ отношенїи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ*, представленномъ при началѣ 2-го курса петербургской академіи, намѣтилъ широкій составъ духовной науки, который со временемъ получилъ свое полное съ нѣкоторыми видоизмѣненіями развитіе. Далѣе имъ представлены первые образцы научнаго изложенія предметовъ академической программы въ Церковно-библейской исторіи и Запискахъ на книгу Бытія.

При множествѣ интересовъ, находившихъ для себя мѣсто въ мысли преосвященнаго Филарета, главная сила его заключается въ строгомъ и точномъ опредѣленіи христіанскаго ученія, въ православномъ толкованіи вселенскаго догмата, основанномъ на глубокомъ проникновеніи въ святыню вѣры и пониманіи духа писанія и церкви. На этомъ основаніи его *Катихизисъ* сдѣлался символическою книгою всей восточной церкви и

яснымъ выраженіемъ мнѣнія всего вселенскаго Востока. Поэтому же его проповѣди будутъ на долгое время источникомъ и руководствомъ при изложеніи разныхъ частей христіанскаго догмата.

Послѣ этого перваго руководителя духовной науки за послѣднее пятидесятилѣтіе назовемъ другаго высоко-талантливаго представителя ея, покойнаго Иннокентія, открывшаго собою первый курсъ студентовъ нашей академіи. Читающій міръ знаетъ его, какъ отличнаго проповѣдника, какъ автора *Постынныхъ дней земной жизни І. Христа* и *Жизни апостола Павла*. Эти печатныя книги—большое приобрѣтеніе русской литературы. Однихъ проповѣдей Иннокентія достаточно было бы, чтобы приобрѣсть ему безсмертную славу: высокое искусство слова, сильная практическая тенденція, глубокое богословствованіе ставятъ его въ рядъ первыхъ проповѣдниковъ вселенской церкви. Но школѣ онъ памятенъ не только печатными трудами, а еще болѣе своими лекціями, производившими обаяніе на слушателей и возбуждавшими въ свое время громкій говоръ въ разныхъ сферахъ нашего общества. Эти лекціи отличались смѣлостію, даже нѣкоторою самонадѣянностію теоретической мысли, новымъ оригинальнымъ отношеніемъ къ вопросамъ богословской науки и живымъ, часто поэтическимъ, изложеніемъ богословскихъ трактатовъ, особенно заманчивымъ послѣ сухаго латинскаго изложенія научныхъ системъ. Не отступая отъ плана богословской системы, прежде начертаннаго, покойный Иннокентій сосредоточивалъ свое вниманіе на такихъ вопросахъ, которые открывали поле для свободныхъ построеній мысли и для сужденій естественнаго соображенія. При разборѣ такихъ вопросовъ, благодаря широкимъ и остроумнымъ аналогіямъ и сближеніямъ, предъ слушателями открывался новый горизонтъ; они знакомились съ результатами современной науки и увлекались живою картинностію представленій какими разсыпалась

предъ ними роскошная мысль, всегда ведшая за собою игривое воображеніе. Все это возбуждительно дѣйствовало на умы, и пролагало пути для болѣе широкаго и сильнаго воздѣлыванія науки: сила возбужденія—главное, что отличаетъ и возвышаетъ Иннокентія предъ другими дѣятелями науки. Новый свободный духъ лекцій Иннокентія вызвалъ опасенія у тѣхъ людей, которые носили на себѣ заботу о сохраненіи цѣлости и чистоты православія. Но когда кончилась его профессорская дѣятельность, не видно было ни малѣйшаго слѣда какого либо невыгоднаго дѣйствія его свободнаго слова, но замѣтно расширились размѣры научныхъ требованій, и свѣжѣе стала богословствующая мысль.

Дѣятели, позднѣе Иннокентія выступившіе на учебное поприще, не уронили знамени, имъ высоко поднятаго: идя въ уровень съ увеличившимися требованіями науки, они отвѣчали на нихъ уже не смѣлыми построеніями самоувѣренной мысли, но твердымъ, провѣреннымъ и основательнымъ знаніемъ, болѣе солидною разработкою научныхъ предметовъ. У нихъ не было иннокентіевскаго блеска, но было больше твердости и точности убѣжденія. Одни изъ нихъ, имена которыхъ очень памяты школѣ, и между которыми рельефно выдается имя Димитрія, нынѣшняго архіепископа херсонскаго, углубляли эти православныя убѣжденія устными многосодержательными лекціями, производившими не видное, но далекое и глубокое вліяніе; другіе—печатными трудами, увѣковѣчивавшими и распространявшими приобрѣтенія школы. Мы помнимъ, съ какою радостію и благодарностію духовная школа приняла *Догматическое Богословіе* бывшаго ректора кievской академіи (нынѣ архіепископа казанскаго) Антонія, въ сжатомъ, но твердомъ и строгомъ, ясномъ и отчетливомъ видѣ представляющее всю полноту символа православной католической восточной церкви. Въ другомъ трудѣ, принадлежащемъ другому бывшему воспи-

таннику и нѣкоторое время наставнику кievской академіи, извѣстному всѣмъ, кому только знакомо имя духовной литературы, самъ покойный Иннокентій привѣтствовалъ «рѣдкое и отрадное явленіе, которое было бы украшеніемъ самыхъ иностранныхъ литературъ, не смотря на ихъ давнее развитіе и вѣковыя усовершенствованія». Разумѣемъ Богословіе преосвященнаго Макарія. Признавая, что «богословіе, какъ наука, подвинуто далеко впередъ этимъ многоученымъ твореніемъ», покойный Иннокентій вмѣняетъ ему въ «особенное достоинство то, что въ немъ богословіе разоблачено отъ схоластики и латинскаго языка, и такимъ образомъ введено въ кругъ русской литературы и предложено, такъ сказать, ко всеобщему употребленію для всѣхъ любителей богословскихъ познаній,—а самую большую заслугу указываетъ въ томъ, что въ сочиненіи Макарія въ первый разъ изображены со всею силою и убѣдительностію, ученымъ и вмѣстѣ удобопонятнымъ языкомъ, тѣ догматы и положенія, коими православная церковь восточная отличается отъ всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій христіанскихъ. Послѣ сего иностранный богословъ никакъ не можетъ сказать, что въ восточной церкви привыкли вѣровать въ свои мнѣнія безотчетно: ибо въ православной догматикѣ Макарія содержится такой отчетъ во всемъ, подобнаго которому доселѣ не представила большая часть церквей неправославныхъ» ¹⁾).

Положительной догматической части богословской науки, бывшей предметомъ наибольшаго вниманія въ школѣ, посвящена была главная сила таланта и труда. Въ сочиненіяхъ, сюда относящихся, въ очищенномъ видѣ выражено то, что поручено храненію церкви православной. Тонкій и строгій анализъ всего существеннаго въ православномъ учении, основательная защита его, и въ то же время простая и ясная поста-

¹⁾ Исг. с.-ист. дух. акад. Чисгоича, 281—5.

повка вопросов—песомѣнныя достоинства нашей догматизирующей мысли. Наши учителя не построили богословія на философскихъ началахъ, не подыскивали какой либо искусственной точки зрѣнія на дѣло для приданія ему большей занимательности, не вдавались въ діалектическія тонкости и словопренія. Русскій умъ всегда отличался прямою и практическою трезвостію взгляда. Послѣ, при введеніи историческаго метода въ изслѣдованіе науки, строгая догматичность нашихъ системъ показалаь одностороннею, и положительное раскрытіе православнаго вѣроученія потребовало восполненія въ историческомъ освѣщеніи. Но это уже вторая половина дѣла; первая забота, вытекающая изъ стремленія, господствующаго надъ нашею богословскою системою, состояла въ томъ, надъ чѣмъ трудились наши предшественники. Только послѣ ихъ трудовъ можно было приступать къ болѣе широкимъ и сложнымъ изслѣдованіямъ. По части положительнаго богословія мы не можемъ завидовать западной наукѣ. Конечно, западная наука и въ этой части представляетъ больше разнообразія чѣмъ наша. Но это разнообразіе не есть непремѣнное свидѣтельство лучшаго научнаго богатства: оно часто зависитъ отъ нетвердой и измѣнчивой точки зрѣнія на дѣло. При этой шаткости основной точки зрѣнія съ именемъ христіанской догматики являются иногда такія творенія, которыя готовы отвергать положительный и откровенный характеръ христіанства, божественное достоинство Искупителя и божественный характеръ Его дѣла. Мы не завидуемъ такому разнообразію, при которомъ уживаются между собою вопіющія противоположности хотя желаемъ больше силы и больше разработки своей богословской наукѣ.

Не такъ воздѣланы и разработаны другія части богословской системы. Курсъ наукъ богословскихъ, при открытіи

школы, нынѣ преобразовываемой, еще не имѣлъ въ себѣ такого широкаго разнообразія, какое нынѣ замѣчается въ богословской наукѣ, распустившейся на множество специальностей. Общимъ стволомъ, еще не раздѣленнымъ на части, поднималась наука. Наши отцы и дѣды въ семинаріяхъ знали только догматическое и нравственное богословіе съ присовокупленіемъ краткой церковной исторіи. Части, намѣченныя въ *обозрѣніи богословскихъ наукъ* преосв. Филарета, долгое время не получали значенія самостоятельныхъ наукъ. Нынѣ въ кругѣ богословскихъ наукъ числятся какъ само тоятельныя науки каноника, литургика и церковная археологія, сравнительное богословіе, пастырское богословіе, гомилетика и исторія церковной и въ частности проповѣднической литературы, патрологія, русская церковная исторія и обличеніе раскола. Эти науки не выдѣлялись тогда изъ общаго ствола богословія; и догматическое богословіе вмѣщало въ себѣ и канонику, и литургику, и пастырское богословіе, не давая этимъ частямъ самостоятельнаго развитія. Исторія русской церкви входила или въ гражданскую или въ общую церковную исторію, очень мало занимая здѣсь мѣста. Естественное развитіе науки не могло остановиться на такомъ положеніи дѣла. Не развитія сѣмена скоро сами собою дѣлались самостоятельными отдѣльными вѣтвями, и требовали для своего должнаго развитія особаго ухода, особыхъ нарочитыхъ дѣятелей. Это расширеніе богословской науки особенно сильно пошло съ тѣхъ поръ, когда кончилось господство латинскаго языка въ качествѣ органа преподаванія въ школахъ, и началось живое выраженіе живой русской мысли. Не всегда съ строгою правильностію совершалось выдѣленіе частностей изъ общаго корня. Но болѣе сосредоточенное вниманіе привлекали къ себѣ предметы, ближе касающіеся русскаго религіознаго самосознанія, и потому разработка этихъ предметовъ уже дала видныя научныя приоб-

рѣтенія въ твореніяхъ, разсматривающихъ жизнь нашей церкви и памятники ея исторіи.

Болѣе всего способствовали уясненію русскаго церковнаго самосознанія, послѣ трудовъ митрополита Евгенія, труды преосвященнаго Филарета черниговскаго, обогатившаго русскую духовную литературу многими и разнообразными замѣчательными своими произведеніями, и преосв. Макарія литовскаго. Въмѣстѣ съ развитіемъ русскаго церковнаго самопознанія больше прежняго въ школахъ стали обращать вниманіе на болѣзнь русской церкви,—расколъ. Къ этому дѣлу много заботы прилагалъ покойный митрополитъ Григорій, бывший въ свое время отличнымъ преподавателемъ богословія: онъ усердно препирался съ раскольниками своимъ властнымъ перомъ и заботливымъ словомъ, и способствовалъ введенію въ академіяхъ особой кафедры для изученія раскола,—и не безъ вліянія людей, занимающихся вразумленіемъ раскола, произошли такія отрадныя явленія, какими служатъ обращенія въ церковь вождей и лжепастырей раскольничьяго общества.

Замѣтны въ ученой литературѣ зачатки трудовъ по разработкѣ предметовъ, относящихся къ другимъ спеціальностямъ. Наука русская считаетъ пріобрѣтеніемъ вполне самостоятельную и проникнутую прекраснымъ духомъ гомилетику Амфитеатрова, оставляющую позади себя всѣ иностранныя руководства по этому предмету, патрологию Филарета черниговскаго и канонику Свворцева и Іоанна....

Не всегда справлялась съ множествомъ выдѣляющихся наукъ школьная педагогія. Запрудая собою программу, обиліе частныхъ, выдѣлившихся изъ богословія, не давало возможности до послѣднихъ началъ и основаній выяснить изучающимъ богословіе разнообразіе его отдѣлы, и отъ того въ общемъ очеркѣ представлялись они ихъ мысли. Но намѣчена была задача, и она требовала разрѣшенія, и это требованіе

вызвало мысль о раздѣленіи богословскаго курса на спеціальныя отдѣленія, давно заявляемую, а нынѣ приводимую въ исполненіе. Такимъ порядкомъ вещей назначается другая задача для нашего богословія.

Главная забота, лежавшая на душѣ представителей богословской науки, направлена была къ тому, чтобы сохранить чистымъ богопреданное учение православной церкви, и разъяснить его для русскаго сознанія: мысль о храненіи и защищеніи истины не вела еще къ мысли о воздѣйствіи на чужія не православныя исповѣданія. Вѣря въ себя и охраняя свою чистоту, наука не входила въ непосредственное отношеніе съ наукою западною, и не гнались за всякою новостію, какою хвалилась, и иногда слишкомъ преждевременно, наука не православная. При инстинктѣ охраненія, заправлявшемъ научными богословскими силами, всегда являлось нѣкоторое безпокойство, когда на кафедрѣ раздавалось свободное слово, готовое стряхнуть узду преданія и предаться водительству чужаго опыта.

Слѣдствіемъ охранительнаго стремленія, виднаго въ жизни и развитіи богословской науки, у представителей ея всегда была особенная крѣпкая привязанность къ національнымъ преданіямъ и національному направленію въ жизни, въ литературѣ, въ наукѣ. Когда космополитическій европеизмъ раздѣдалъ цѣлость нашего сознанія и отрывалъ его отъ національныхъ основъ, богословская наука, цѣня доброе въ заимствованіяхъ, знакомая съ движеніемъ философіи Запада, внутреннимъ сочувствіемъ всегда склонялась къ тѣмъ направленіямъ, которыя стояли за національныя начала. Крѣпость мысли, не увлекающейся чужими новостями и критически относящейся къ нимъ, твердо стоящей на своихъ историческихъ началахъ, была первою вещію въ дѣлѣ научномъ и жизненномъ, и гдѣ

проявлялась она, туда стремилось и сочувствіе духовной школы, и по временамъ содѣйствіе такого или другаго вида.

Дѣятели этого направленія, наиболѣе сочувственнаго духовной наукѣ, сами въ свою очередь содѣйствовали ея успѣхамъ, посвящая ей свои труды и свое перо.—Въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ, вообще не глубоко занятомъ религіозными вопросами, они представляютъ въ этомъ случаѣ пріятное исключеніе. Не связанные преданіями духовной школы, они имѣли возможность оригинальнѣе школьныхъ богослововъ отнестись къ предмету религіозной вѣры и идти къ цѣли не пробитою дорогою. Эта оригинальность даетъ себя чувствовать въ трудахъ свѣтскихъ богослововъ съ перваго раза, и такъ очаровывала многихъ, что изъ-за нея возводили въ первые богословы православной церкви ученаго представителя славянофильской школы, покойнаго Хомякова. Мы не можемъ не отдать чести глубинѣ мысли, съ какою онъ относился къ вопросамъ религіознымъ, искусной и побѣдоносной діалектикѣ въ развитіи и послѣдовательномъ проведеніи своихъ взглядовъ, и богатой богословской эрудиціи. Но какъ ни цѣнимъ мы его богословскіе труды, важные тѣмъ болѣе, чѣмъ рѣже вниманіе не призванныхъ къ церкви обращалось къ предметамъ вѣры, мы не можемъ признать въ нихъ главныхъ выразителей нашего православно-религіознаго сознанія, и не отъ ихъ трудовъ ожидаемъ дальнѣйшаго движенія нашей науки. Бойко и ретиво льется въ нихъ мысль, несущая православныя убѣжденія, но въ нихъ течетъ она не по главному руслу, а составляетъ отдѣльный потокъ, вытекшій изъ глубины религіознаго нашего сознанія. Они передовые бойцы въ дѣлѣ защищенія православія, пожалуй, указывающіе новую задачу нашей религіозной наукѣ, но не въ нихъ средоточіе и сила нашего богословія. Ни Хомяковъ ни другіе его сотрудники не имѣли ни случая ни побужденія раскрывать все содержаніе право-

славнаго вѣроученія. Мысль ихъ приходитъ къ слову о религіи только тогда, когда чувствуетъ непріятное приращеніе къ своимъ убѣжденіямъ чужихъ вѣрованій, и эти чужія вѣрованія тотъ предметъ, около котораго вертится ихъ діалектика, вооруженная ученостію. Говоря для неправославія, они большею частію пользовались не русскимъ языкомъ для выраженія своихъ убѣжденій, въ прямыхъ видахъ большей извѣстности своихъ трудовъ въ предѣлахъ чужихъ исповѣданій. Всецѣло преданные православію, они призываютъ къ защитѣ его не одну богословскую ученость, но и философскую мысль. При ея пособіи они стараются объяснить православіе, какъ чистую вселенскую вѣру, въ отличіи отъ другихъ неправославныхъ одностороннихъ исповѣданій: общіе вопросы подпадаютъ ихъ вниманію, — вопросы о внутреннемъ духѣ и характерѣ, о причинахъ образованія извѣстной системы того или другаго западнаго исповѣданія, исходной точкѣ ихъ недомысловъ или уклоненій отъ вселенской вѣры. Человѣкъ религіозной мысли съ полнымъ сочувствіемъ смотритъ на бойкіе пріемы состязателей; но человѣкъ вѣры, при этомъ сочувствіи, не можетъ всецѣло побѣдить въ себѣ опасенія, какъ бы откровенная религія не стала трактоваться какъ философская или общественная доктрина. Это отъ того, что въ своихъ рѣчахъ о вѣрѣ они слишкомъ много опираются на естественныя соображенія, на послѣдовательность выводовъ изъ утвержденныхъ началъ; при такихъ опорахъ весьма естественно человѣку вѣры придти къ опасенію, какъ бы богословскій элементъ, почерпаемый изъ положительнаго откровенія, не измѣнилъ своего прямого положенія, въ угоду послѣдовательности философскаго вывода. Человѣческій элементъ несомнѣнно имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ развитія религіознаго ученія, но не онъ одинъ опредѣляетъ его. Вниманіе къ нему необходимо при объясненіи религіозно-умственной жизни народовъ, но не въ немъ норма

и источникъ христіанскаго вѣроученія. Между тѣмъ отъ сосредоточенія на немъ вниманія можно дойти до нѣкотораго приниженія божественнаго откровеннаго элемента. Обратите вниманіе на главныя силы церковныя, служащія носителями и законодателями религіозной истины. Слово Божіе эти главныя силы указываетъ въ водительствѣ Духа Божія, всегда пребывающаго въ церкви, и его освященныхъ благодатствованныхъ органахъ. У богослововъ, нами упоминаемыхъ, большое значеніе дается народу въ его массѣ, и этотъ народъ является носителемъ и рѣшигелемъ религіозныхъ сомнѣній и споровъ, соотвѣтственно общинной теоріи славянофильства. Вся учащая церковь можетъ заблуждаться, но не можетъ утратить истины народъ. Соборныя рѣшенія приняты церковію не потому, что такъ *изволися Духу Святому* и отцамъ, поставленнымъ отъ Бога въ пастыри церкви и совѣщавшимся на соборахъ, а потому что они были выраженіемъ общенароднаго голоса, лежащаго въ основѣ вѣры церковной. Сохранить ли при этомъ все свое значеніе богоучрежденная и богоосвященная іерархія? Изъ народа выходятъ богопоставляемые пастыри, но живутъ они не одною народною мыслію: благодать священства, не отрывая ихъ отъ народа, даетъ имъ не только власть вязать и рѣшить, но и силу къ совершенію дѣла служенія. Если въ жизни церкви народъ представляетъ великую силу, то силу темную, инстинктивную, ищущую себѣ руководителей, и выдѣляющую изъ себя избранныя единицы для руководственнаго служенія. Безъ этихъ избранныхъ единицъ, безъ ихъ мысли и воли, онъ заколеблется въ суевѣріяхъ и заблужденіяхъ. Спаситель, единый всѣхъ учитель, апостоламъ поручилъ пасти церковь и рѣшать всѣ недоумѣнія, и апостолы поставляли по городамъ епископовъ и пресвитеровъ и имъ поручали дѣло вѣры и ея уставовъ, внушая имъ, что они въ своемъ составѣ представляютъ не только волю и мысль народа, но и силу надъ народомъ бдящую.

При стараніи естественными путями объяснить жизнь церкви, наши богословы въ преувеличенномъ видѣ представляютъ зависимость такого или иного проявленія христіанства отъ національныхъ особенностей народовъ. Ихъ мысль слѣдитъ не то, какое вліяніе на народный организмъ производитъ сила христіанства, а то, какъ эта самая сила христіанства подчиняется сложившейся силѣ народнаго организма, какъ чему-то роковому, непобѣдимому для нея. Царство Христова не отъ міра сего; Господь повелѣлъ проповѣдывать евангеліе всѣмъ языкамъ, и всѣ одинаково призваны въ церковь Божию. Сила національностей—сила низшая въ сравненіи съ христіанствомъ, и потому она не должна опредѣлять собою формы христіанства, а сама должна видоизмѣняться отъ дѣйствія вселенской проповѣди. Пусть будетъ разница въ обрядахъ, во внѣшнихъ учрежденіяхъ, когда входятъ въ церковь Божию люди различныхъ странъ и различной исторической судьбы: эта разница не должна касаться существеннаго содержанія христіанства, одинаково всѣмъ даннаго. Между тѣмъ, при объясненіи вѣроисповѣдныхъ различій, у нашихъ богослововъ-славянофиловъ національная сила получаетъ значеніе неотразимой судьбы, подчиняющей себѣ все въ религіозной области, и человѣкъ, читая ихъ, задумывается надъ первою виною тѣхъ заблужденій, какія должна сражать истина. Наше православіе вселенская вѣра; но она окрашивается у нихъ въ цвѣтъ вѣры греко-славянской; мы, при своемъ народномъ характерѣ, не могли иначе усвоить себѣ христіанской системы, какъкъ она является у насъ теперь. Папство напротивъ условливается всецѣло латинскою національністю; протестантство характеромъ національности нѣмецкой. Дѣло справедливое представляется не совсѣмъ точнымъ, когда вторая причина возводится въ разрядъ причины первой, неотразимой. Какъ ни крѣпки формы національностей, но онѣ должны исчезнуть

предъ всеобъемлющимъ значеніемъ религіи Христовой, гдѣ должно быть едино стадо и единъ пастырь.

Мы указали пути развитія богословской науки въ прошедшемъ.

Какая же работа теперь предлежитъ богословской наукѣ? И чего мы ожидаемъ отъ нея въ будущемъ времени?

Вопросъ не легкій задали мы, и дать на него полный и рѣшительный отвѣтъ съ нашей стороны было бы большою смѣлостію. Мы укажемъ признаки времени, и вашей просвѣщенной мысли и мысли тѣхъ людей, которыхъ интересуетъ судьба христіанскаго просвѣщенія, предоставимъ опредѣлять по нимъ задачу богословской науки, предлагаемую ей теченіемъ событій.

Мы думаемъ, что мы переживаемъ одинъ изъ важныхъ поворотовъ въ исторіи духовной науки. Доселѣ былъ періодъ созрѣванія ея, теперь наступаетъ періодъ возмужалой зрѣлости. Сѣмена христіанскаго просвѣщенія, принесенныя къ намъ съ Востока, отродились у насъ, пустили бодрые ростки: эти ростки окрѣпли и идутъ вверхъ по твердому неизмѣнному направленію. Главный стволъ,—положительное богословіе, раскрывающее нашъ символъ,—виденъ всѣмъ, и не поколеблется его обстоятельства перемѣнчиваго времени. Но вокругъ него образовалось много побочныхъ вѣтвей, они вмѣстѣ съ нимъ начинаютъ возрастать; но наша жизнь еще не дала намъ полного развитія. Для самой высшей школы оказалось не удобнымъ и тяжелымъ совмѣстное изученіе всѣхъ специальныхъ знаній, выросшихъ изъ одного богословскаго корня. И вотъ теперь, послѣ утвержденія общихъ началъ, время зоветъ насъ къ специальной разработкѣ тѣхъ отраслей, изъ какихъ складывается полная сумма богословскихъ знаній. Научная жизнь пойдетъ быстрее и надежнее, дѣйствіе науки будетъ виднѣе и сильнѣе, когда она будетъ возвышаться среди церкви не

какъ молодой отростокъ, а какъ многовѣтвистое и многолиственное дерево.

Нашей работы ждетъ исторія церкви. Съ чужаго голоса доселѣ мы изучаемъ ее, и на этотъ важный предметъ часто смотримъ глазами протестантовъ и римскихъ католиковъ. Весь длинный періодъ школы, нынѣ заканчивающійся, почти одна церковная исторія Иннокентія (пензенскаго) была тѣмъ руководствомъ, изъ котораго почерпали свѣдѣнія по этому предмету люди, пользующіеся только русскими книгами. Кромѣ ея монографіи и блѣдные очерки служатъ выраженіемъ нѣкотораго вниманія нашего къ этому важному предмету. Нашей дѣятельности въ особенности проситъ исторія византійская и исторія церкви у сопредѣльныхъ намъ народовъ славянскихъ и восточныхъ. Она почти заброшена у ученыхъ западныхъ, и если раскрывается у иныхъ, то раскрывается по документамъ не полнымъ и неисправнымъ и подъ угломъ зрѣнія, далеко не благопріятнымъ для безпристрастнаго изслѣдованія и представленія дѣла. Между тѣмъ отъ насъ ждутъ разъясненія своей судьбы церковной наши соплеменники и единовѣрцы, къ намъ обращающіеся за богословскимъ образованіемъ; между тѣмъ здѣсь, въ изученіи этого предмета, глубокой научно-церковный интересъ: древніе обычаи и начала на Востокѣ сохранились болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, видѣвшихъ много внутреннихъ перемѣнъ, и при сличеніи новой жизни, часто уклоняющейся отъ древняго типа, съ истинными требованіями христіанства, точное знаніе Востока оказывается необходимымъ. Нынѣ съ разныхъ сторонъ заявляется желаніе свѣрять новое съ древнимъ, и мы должны чувствовать на себѣ долю вины въ томъ, что не раскрываемъ во всей полнотѣ историческихъ преданій и памятниковъ, хранящихся на Востокѣ. Мы чувствуемъ, что школа, нынѣ возымаемая къ новой жизни, закроетъ эту вину своею дѣятельностію, и уже видимъ въ русской жур-

нальной литературѣ громкое заявленіе желанія знакомить русскую публику съ Востокомъ славянскимъ и греческимъ и подробнѣе раскрывать его исторію, доселѣ покрытую туманомъ. Мы видимъ въ этомъ отголосокъ общаго сознанія людей, принимающихъ къ сердцу интересы нашей духовной науки.

Кромѣ исторіи церкви отъ насъ ждуть болѣе точнаго изученія источники христіанскаго вѣроученія и тѣ каноны, которыми опредѣляется жизнь церкви. Священное писаніе въ древнія времена было главнымъ предметомъ изученія; на немъ воспитались и на немъ воспитали другихъ Оригена, Василия, Григоріи и Златоусты. Въ западныхъ протестантскихъ университетахъ библейская критика стоитъ на самомъ видномъ планѣ и обыкновенно больше силъ требуетъ для себя, чѣмъ какой либо другой богословскій предметъ. Отъ того тамъ много ученыхъ трудовъ, способствующихъ раскрытію первоисточника откровенной религіи, хотя часто одностороннихъ и зыбкихъ. Въ нашихъ школахъ св. писаніе до сихъ поръ не имѣло опредѣленнаго мѣста: мы все изучали его не съ тою полнотою, какая требуется важностію предмета, и наша литература не дала ни ученыхъ изслѣдованій о текстѣ Библіи, ни ученыхъ толкованій. Нынѣ отношенія измѣняются; Библія дѣлается настольною книгою не только богослова, но и всякаго благочестиваго человѣка. Въ программахъ школьных ей отводится самое видное мѣсто. На нашихъ академическихъ кафедрахъ уже не новостію будетъ серьезное расслѣдованіе всехъ вопросовъ, относящихся къ книгѣ откровенія и ею возбуждаемыхъ. При пособіи чужихъ трудовъ начинается это изученіе, хотя безъ подобострастнаго отношенія къ нимъ. Но мы ждемъ, что наша экзегетика не будетъ повтореніемъ нѣмецкой критики, даже въ ея лучшихъ частяхъ, и заявитъ свое самостоятельное слово. Наша школьная наука, знакомившая насъ съ односторонними направленіями, появлявшимися на почвѣ инославныхъ

исповѣданій, находила у себя средства для борьбы съ ними. Пусть же она не только отрицаетъ чужіе выводы и направленія, а сама создаетъ новое направленіе, которое своимъ достоинствомъ, своимъ положительнымъ содержаніемъ устранить значеніе не добрыхъ направленій. Отечественія творенія могутъ быть для нея исходною точкою въ этомъ дѣлѣ.

Мы не представили еще ни одного полного ученаго изданія отеческихъ твореній, не имѣемъ полного перевода ихъ, не имѣемъ исторіи духовной литературы, которая бы въ ясномъ очеркѣ представляла намъ весь ходъ религіозноумственной жизни народовъ христіанскихъ. Мы не давно начали изучать свою собственную религіозную исторію. Мы вообще имѣемъ предъ собою много частныхъ задачъ, ждущихъ работы. Спеціальности нашей богословской науки только намѣчены, но не разработаны вполне.

Не только внутренній ростъ нашей науки зоветъ насъ на усиленную работу для удовлетворенія усложнившимся требованіямъ религіознаго знанія; къ тому же побуждаютъ насъ и внѣшнія обстоятельства. Доселѣ мы хранили и защищали святыню вѣры православной: люди внѣшніе или не хотѣли знать насъ или нападали на насъ, относясь къ намъ съ гордымъ высокомеріемъ, въ сознаніи большей силы своего просвѣщенія и при ложной увѣренности въ своей правотѣ. Нынѣ въ разныхъ мѣстахъ начинаетъ выказываться новое отношеніе къ православной вѣрѣ. Среди борьбы мнѣній на Западѣ, при неудовлетворенности глубокаго благочестиваго чувства, на Востокъ обращаютъ серьезное вниманіе многіе религіозные умы, и отъ нихъ рождаются голоса, что съ Востока светъ, что оттуда надобно ожидать просвѣщенія духа, истины вѣры и полного удовлетворенія религіознымъ запросамъ. Въ каждомъ народѣ появляются малыя православныя общества, которыя должны возрасти въ замѣтныя и вліятельныя церкви. Въ

виду этого стремленія къ намъ отдѣльныхъ умовъ и даже общинъ Запада, въ виду новаго серьезнаго отношенія къ православію нѣкоторыхъ ученыхъ протестантскихъ, англиканскихъ и римско-католическихъ, намъ нужно идти имъ на встрѣчу, и выступить изъ состоянія пассивныхъ хранителей вѣры. Пусть не одни Гетте, Овербекъ и Гаерлей трудятся на пользу православія среди племенъ, отторгшихся отъ общенія съ вселенскою церковію. Намъ нужно указать неправославнымъ исповѣданіямъ, въ чемъ сущность нашей вѣры, и яснѣе доказать свою правоту историческими документами, ссылкой на древніе вѣка, обычаи и писанія, твердымъ и отчетливымъ раскрытіемъ каждой частности богословской науки. Намъ не слышать, нашихъ книгъ не читаютъ на Западѣ: позаботимся, чтобы чужіе люди захотѣли слушать насъ и находили интересъ въ нашихъ книгахъ. Тогда не отдѣльныя лица стали бы обращать къ Востоку свои взоры, и, можетъ быть, приблизилось бы время мира и единенія церковнаго. Не для того ли мы такъ бережно охраняли святыню православія, чтобы по исполненіи временъ сообщить ее утерявшимъ ее народамъ и обновить ею религіозныя убѣжденія, составляющія корень духовно-нравственной жизни народовъ?

Но если на сознаніи нашей науки ложится долгъ слышнымъ образомъ заявить себя предъ инославными исповѣданіями, то не менѣе того ея предъавителей тревожитъ мысль о необходимости энергическаго дѣйствія на антихристіанскія направленія, заражающіяся въ нѣдрахъ христіанскихъ обществъ. До сихъ поръ у нашей духовной науки не было энергическаго стремленія къ внутреннему миссіонерству, къ убѣжденію и обращенію отшатнувшихся отъ церкви или потерявшихъ вѣру. Между тѣмъ на ея глазахъ росли разныя плевелы и спокойно занимали мѣсто въ оградѣ Божіей. На каждомъ шагу не только на Западѣ, но и у насъ ревнитель вѣры встрѣчаетъ отрасли

раціоналістическаго или матеріалістическаго направленія, подрывающаго основы христіанства, какъ откровенной религіи, отрицающаго и искупленіе и божественное достоинство Господа Іисуса Христа. Если въ виду усиленія такого направленія не извинительно угодливое послабленіе ему, къ соблазну христіанства допускаемое иными богословами Запада, то не заслуживаетъ чести и молчаливое пренебреженіе къ нему. Нашъ вѣкъ вызывается на усиленную борьбу съ враждебнымъ христіанству направленіемъ, и чувство ревности по вѣрѣ приглашаетъ къ этой борьбѣ всѣхъ искреннихъ исповѣдниковъ имени Христова, безъ различія званій. Апологетика христіанства—одно изъ главныхъ дѣлъ, предстоящихъ современной христіанской наукѣ. Съ теплымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы сильныя апологетическія произведенія, явившіяся на западной почвѣ... Духовная литература наша знакомитъ съ ними русское общество, и, можетъ быть, не одно колеблющееся сознаніе поддержано въ правомъ исповѣданіи прочувствованнымъ, сердечнымъ и умнымъ словомъ Лютарда или другаго христіанскаго апологета. Но ограничимся ли мы чужимъ, заимствованнымъ оружіемъ при защитѣ своей самой дорогой святыни? Соберемъ силы для самостоятельнаго противодѣйствія разшатавшимся убѣжденіямъ! Созрѣвшей, увѣренной въ себѣ наукѣ нельзя замыкаться въ тѣсный кругъ свой; сообразно ожиданіямъ общества она должна распространять отъ себя свѣтъ свой и съ ревностію идти противъ всякаго вліянія, разтѣдающаго здоровый организмъ и стѣсняющаго благотворное нравственное дѣйствіе вѣры.

Мы высказали желанія, исполненіе которыхъ необходимо для предстоящихъ успѣховъ богословской науки.

Призовемъ благословеніе Божіе на служащихъ наукѣ вѣры, чтобы наступающіе дни ея были днями славы и полного разцвѣта ея во всѣхъ ея отрасляхъ, чтобы наши труды и усилія

— 210 —

скоро увѣнчались вѣковѣчными произведеніями, сильными не только поддержать и защитить православную истину, но и распространить ее среди тѣхъ сферъ, которыя доселѣ относятся къ ней съ отрицательнымъ невниманіемъ.

